МИРЫ, РОЖДЕННЫЕ ВООБРАЖЕНИЕМ

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Z

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

№ 11, ноябрь, 2005 год

Цена свободная

Порнографический магазинчик

Восьмой ветер

Крыщухи

Фанфик, плагиат, случайность?

Красное на белом

Око Мирового Зла

Хеллоуин – странный праздник

История Хеллоуина началась 2000 лет назад, когда кельтские племена жили на территории нынешних Англии, Ирландии, Уэльса, Шотландии и Северной Франции. Вечером 31 октября и весь день 1 ноября они чествовали бога мертвых, в воле которого находились души людей после их смерти. Они верили также, что 31 октября этот бог собирает души всех умерших в прошедшем году.

Считалось, что в канун Дня Всех Святых все силы зла во главе с самим дьяволом собираются вместе для того, чтобы устроить всяческие бесчинства и как–нибудь навредить в преддверии праздника.

Символом этого праздника является тыква "Jack–o–lantern". Однажды некий Джек обманул дьявола. И вот пришло время умирать. Так как при жизни он был небезгрешен, то путь в рай ему был закрыт. Дьявол, помня обиду, не спешил брать его к себе. "Что же мне делать?" — спросил тогда Джек. Дьявол ответил: "Убирайся туда, откуда пришел". "Но как же я найду дорогу в такой тьме?"– спросил парень. Тогда дьявол зачерпнул пригоршню углей и кинул их на дорогу. А Джек в то время держал в руке маленькую тыковку. Именно ею он и поймал эти угли и пошел. Такая вот немного странная легенда и положила начало существованию фонариков, которые в Хеллоуин можно увидеть довольно часто.

Наряженные монстриками дети путешествуют от дома к дому, вымогая сладости у хозяев. Отказать им нельзя, ибо тогда целый год не будет удачи.

Лариса ПАНАСЕНКО, Киев, Украина

Этот месяц в истории фантастики

В ноябре поздравляем с днем рождения Марию Семенову, автора известного цикла о Волкодаве (1 ноября), очаровательную нашу Марию Галину, писательницу, поэтессу, критика, а теперь еще и издателя (10 ноября), и, конечно, Ника Перумова, которого представлять не надо (21 ноября).

6 ноября — годовщина со дня смерти Бориса Штерна.

Ноябрь — знаковый месяц для Клайва Льюиса, среди прочего написавшего "Хроники Нарнии". Родился он 29 ноября, а 22 ноября стало днем его смерти.

В ноябре нельзя не вспомнить о Георгии Францевиче Милляре, бессменной Бабе Яге старых советских фильмов (помните, тех еще, "По щучьему велению", "Василиса Прекрасная", "Кащей Бессмертный", "Марья–искусница", "Королевство кривых зеркал", "Морозко", "Варвара–краса, длинная коса"...). 7 ноября ему исполнилось бы 102 года.

Ну и, конечно, не забудем о людях, казалось бы, имеющих весьма косвенное отношение к фантастике, но на самом деле сделавших для нее многое. Это французский актер Жан Маре, умерший 8 ноября 1993 года, Иван Бунин (день смерти 8 ноября) и Иван Тургенев (день рождения 9 ноября), — да, представьте себе, и они писали фантастические произведения! — Леонид Гайдай (день смерти 10 ноября), — а чем не фантастика снятая по мотивам пьесы Булгакова картина "Иван Васильевич меняет профессию"? — Сельма Лагерлеф (день рождения 20 ноября), автор "Путешествия Нильса с дикими гусями", Алексей Баталов (день рождения 20 ноября) и Михаил Глузский (день рождения 21 ноября), снимавшиеся в том числе и в фантастических фильмах, Николай Носов (день рождения 22 ноября).

И в заключение поздравим Дмитрия Ватолина, человека, хорошо известного всем любителям фантастики, которые пользуются Интернетом. Дмитрий — основатель сайта "Русская фантастика" (http://rusf.ru), пожалуй, самого известного русскоязычного фантастического портала. 29 ноября ему исполняется 32 года.

По материалам Интернет–источников

Нам три года!

Итак, "Просто фантастика" празднует трехлетие. Подведем итоги?

За прошедшие 36 месяцев у нас успели напечататься Юлия Остапенко, Влад Силин, Владимир Данихнов, Хокан Лондо, Виталий Романов, Елена Навроцкая, Сергей Панарин, Федор Березин, Максим Дубровин, Станислав Теплов, Рашид Полухин, Андрей Штиль, Юрий Бархатов, Лариса Подистова, Юрий Погуляй, Гуфельд Зэев, Илья Новак, Лора Андронова, Ирина Белояр, Ольга Бакк и многие другие авторы, широко известные в кругах любителей фантастики.

Но самое большое наше приобретение — это, конечно, вы, наши читатели. И те, кто оставался с нами во времена хорошие и времена трудные, и те, кто узнал о нас совсем недавно.

Нам очень важно ваше мнение о газете, ваши советы о том, как сделать ее лучше. Напоминаем, что ваших писем и комментариев очень ждут по адресу: prosto_f@ukr.net, в сообществе Живого Журнала по адресу: http://www.livejournal.com/community/prosto_f/, а также на сайте zhurnal.lib.ru (ссылка на раздел "Просто фантастики" ведет с его главной страницы). Также, естественно, можно присылать обычные письма на адрес газеты, указанный на последней странице, с обязательной пометкой "Для блока Z".

Год заканчивается, а значит, близится определение лучшего автора "Просто фантастики". Не забудьте, что в этом году выбор зависит от вас, наши дорогие читатели. Голоса принимаются по всем указанным выше адресам.

А пока вы перелистываете газеты 2005 года, вспоминая наших авторов, — с днем рождения нас! Пожалуйста, сделайте нам одолжение: поднимите за наше здоровье рюмку чая, кока–колы, сока или чего–нибудь покрепче. И — оставайтесь с нами!

Редакция

Новости зарубежного кино

9 декабря в США состоится премьера фильма "Хроники Нарнии: Лев, колдунья и платяной шкаф" по второй книге из цикла о Нарнии Клайва С. Льюиса. Сценарий: Эндрю Адамсон, Кристофер Маркус, Стивен Макфили, Анн Пекок; режиссер — Эндрю Адамсон. В ролях: Т. Суинтон, Б. Кокс, Д. Хенли, У.Моусли и другие.

Четверых детей — Эдмунда (Скандар Кейнс), Люси (Джорджи Хенли), Питера (Уильям Мозли) и Сьюзэн (Анна Попплеуэлл) — из–за бомбежек Лондона во время Второй мировой войны отправляют к знакомому профессору в провинцию. Однажды, играя в прятки, они обнаруживают, что платяной шкаф на чердаке на самом деле — дверь в удивительную страну Нарнию, которую населяют необычные говорящие существа.

Но коварная Белая Ведьма (Тильда Суинтон) наслала на страну проклятие, и теперь там вечно царит зима. Вместе со львом Асланом, который когда–то основал Нарнию, детям предстоит освободить волшебную страну от ее власти.

Режиссером этого потенциального хита назначили Эндрю Адамсона — именно на его счету находятся оба сверхпопулярных "Шрека". Кроме того, Эндрю еще и приложил руку к сценарию. Остальные сценаристы — дебютанты. Хотя крупных звезд в фильме занято немного, зато особо крупные спецэффекты имеются в избытке. Ответственность за спецэффекты лежит на студии Питера Джексона Weta Workshop совместно со студией Rhythm & Hues (эта студия делала всяких зверей для фильмов "Скуби–Ду", "Гарфилд", "Хроники Риддика" и др.). Спонсирует проект Walden Media и студия Disney.

Также вскоре выйдут очередная серия саги о Гарри Поттере "Гарри Поттер и кубок Огня" и новая экранизация "Кинг–Конга".

"Кинг–Конга" снимает Питер Джексон, так что стоит ожидать зрелищный фильм. Съемки идут в США и Новой Зеландии. Мировая премьера фильма 14 декабря. Бюджет фильма — 110 млн долларов. А четвертого "Гарри Поттера" делает Майк Ньюэлл. Бюджет фильма — 130 млн долларов. Мировая премьера 17 ноября, но до нас фильм дойдет, очевидно, к концу декабря.

По материалам Интернет–источников

Объявление

В прошлом номере газеты по техническим причинам не было указано имя автора материала "Ткач и его гобелены: миры Гая Гэвриела Кея". Автор — Наталия Осояну, Кишинев, Молдова. Редакция приносит искренние извинения Наталии и всем читателям.

Хотите в Эквадор?

9 ноября на сайте http://www.russianecuador.com/contest/2005_2/ начнется третий Эквадорский конкурс русской фантастики. Арбитрами конкурса, задающими темы, будут писатель Вадим Панов и бессменный координатор конкурса Андрей Ширяев. Работы будут приниматься до 29 ноября.

Рассказ должен быть написан специально для этого конкурса на заданную тему (одну из двух предложенных). На конкурс принимаются рассказы на русском языке в любом из жанров фантастики (научная фантастика, фэнтези, мистика и т. п.). Максимальный объем рассказа — 60 000 знаков, включая пробелы (проверяется статистикой Word). Каждый автор может прислать не более 4 работ (по 2 на каждую тему). Новым участникам конкурса необходимо зарегистрироваться на странице http://www.russianecuador.com/contest/stats/ (ссылка "Регистрация участника").

Обязательное условие: работающий адрес e–mail, уникальный для каждого участника. Работы принимаются на странице http://www.russianecuador.com/contest/stats/ после регистрации участника. Формат файла.doc,.rtf или.txt.

В целях объективности конкурс проводится анонимно — авторство не разглашается до подведения итогов. Работа автора, тем или иным образом раскрывшего тайну своего авторства, дисквалифицируется. До окончания конкурса произведению запрещается участвовать в иных мероприятиях или публикациях. Координатор оставляет за собой право не принять текст в случае превышения объема или грубого несоответствия теме, жанру или традициям сетевых литературных конкурсов. Это не означает, что все принятые тексты считаются соответствующими теме.

Жюри конкурса — сами участники (в обязательном порядке; произведение автора, не заполнившего бюллетень, дисквалифицируется). Голосование проводится в два тура (дважды по семь дней), если количество работ превысит 70. В первом туре рассказы делятся на группы по 40 (примерно), каждый автор читает свою группу (авторы нескольких присланных текстов — одну на выбор). В финал выходит 50 рассказов (чуть больше или чуть меньше, результат зависит от количества групп), их авторы составят жюри финала. После подведения итогов на странице конкурса публикуется полная статистика: имена или псевдонимы авторов, таблицы рейтингов 1–го и 2–го тура, бюллетени закрытого голосования.

Работы оцениваются без деления на темы. Прочитав в срок все работы группы, участник заполняет на своей странице статистики бюллетень голосования, в котором перечисляет ровно 6 лучших рассказов в порядке убывания. 1–е место — 10 баллов, прочие, соответственно — 8, 6, 4, 2, 1. Участник имеет право не голосовать за рассказы, которые, по его мнению, не соответствуют теме. За свои тексты голосовать нельзя.

ПРИЗЫ:

1 место — 300 долларов США (или полностью оплаченная турпоездка в Эквадор на неделю)

2 место — 200 долларов США

3 место — 100 долларов США

Отзывы наших читателей

В 6 номере "Просто фантастики" за 2005 год была опубликована статья Е. Навроцкой "Почем благородные Принцы, или Восстание Зла". Сейчас мы публикуем некоторые отзывы на эту статью. Если вам есть что сказать по поводу публикуемых нами материалов, не забудьте высказать свое мнение!

Мария Ружникова

Правильно все. Ни прибавить, ни убавить. Лично я верю, что так дальше продолжаться не может. Все ведь идет по спирали. Будет новый виток. Человечество накушается этого дерьма и снова захочет романтики, идеалов и прекрасных принцев с принцессами.

Джу-Лисс

Думаю, вы не правы. Да, прынцев и прынцесс поубавилось. Но злодеи ли герои современных бестселлеров? Возьмем фантастику. Кто самые популярные авторы? Лукьяненко, Дяченки, Олди, Логинов. И что, их герои моральные уроды? Да нет, все те же рыцари, но в другом прикиде. Или обращенные злодеи. Или люди на грани зла и добра. Но явных отморозков в протагонистах не замечено. Дело в том, что романтического флера в героях поубавилось, зато прибавилось жизненности. Ну так это реализм, сменивший романтизм века эдак два (!!!) назад. Возьмите русскую классику. Достоевского, Чехова, да того же Толстого. Много ли там рыцарей и принцесс? Тем не менее идеалы добра там вполне присутствуют, просто творят добро не ангелы, а люди. Людям свойственно сомневаться и ошибаться, здоровенный пласт современной литературы как раз об этом — о выборе между добром и злом. А у принцесс и рыцарей выбора не было, они были изначально закодированы на добро. Хотя — не всюду. Величайшие произведения романтической эпохи — легенды о короле Артуре, к примеру — как раз о таком выборе. Что же касается обаятельных злодеев... Два самых обаятельных злодея фантастики — Шор Канн и маг Рейстлин — в конце концов свершили ДОБРЫЕ деяния и даже попытались пожертвовать собой во благо других. Рейстлину это, кстати, удалось. И выглядело такое самопожертвование намного эффектней, чем жертва рыцаря, бросающегося в пасть льву. Добрые дела, совершенные отрицательными персонажами, сильнее действуют на читателя. А поскольку современный читатель перекормлен (отсюда, кстати, постмодернисты и пресловутый Сорокин), приходится основательно его встряхнуть, чтобы добиться хоть какой-то реакции.

И последнее — о "милосердии" и "одногих мальчиках" (ОМ). ОМ гнобят милосердие со страшной силой, и намного опасней нетрезвых, злобных отморозков. Поскольку читатель, обожравшийся ОМ, не посочувствует впоследствии настоящему герою в настоящей переделке. Читатель адаптируется, и порог реакции на чужое горе (в литературе и, возможно, в реальности) становится настолько высок, что никаким гуманистам сквозь него не пробиться. Поэтому ОМ следует давить, они — дешевка, и дешевка вредная.

Юлия Остапенко

Те тенденции, о которых говорится в статье, характерны для инфантильной культуры либо инфантильных ее проявлений. Действительно: назовите хотя бы пару примеров аморальных (потому что сейчас вопрос стоит именно о моральности в литературе) главных героев в мировой классике 20-го века. Экзистенциализм не берем — там философия распада и самообвинения диктовала все остальное. А что-нибудь традиционалистское, разумное, доброе и вечное. Вроде Голдинга, не говорю уж о Толкине и Стругацких.

Не вижу я там такой тенденции.

Хотя, думаю, почти каждый автор через нее проходит. Инфантилизм, конечно, иногда проходит с возрастом, но у творческого люда всех мастей начинается все обычно именно с него. Одна из основных его черт — отсутствие собственной системы ценностей и нигилистическое отрицание всех существующих. А когда ты что-то отрицаешь, не имея что предложить взамен — проще всего вывернуть наизнанку то, что отбросил. Что, кстати, сейчас встречается сплошь и рядом не только в литературе, и даже не надо далеко ходить за примерами.

Мор

Стадия отрицания идеалов перешла к ступени, когда антагонисты стали как раз такими же выхолощенными и стандартными, как прежде Прекрасные Принцессы. Протест понятен и обоснован — вместо белого сияния, от которого тошнило, видим булькающую грязь, в которой тоже нет места индивидуальности. Научиться соединять несоединимое, умело манипулировать и положительными чертами, и отрицательными в литературе достаточно сложно.

Тим Талер

Я не вижу в большой литературе засилия героев-подонков и чернухи. Недавно прочитал "Шмагию" — где там отсутствие идеалов? Сплошь положительные герои хороши в балладах, романсах и сказках. Если взять вещи более масштабные, например, "Смерть Артура", то там уже не получается показать "рыцарей в белом" — приходится показывать и избиение младенцев, и супружескую измену и прочее неприглядное. Что не делает, однако, Артура и Ланселота недостойными подражания, а всего лишь говорит читателю о том, что и самые достойные могут совершать ошибки. Вопрос лишь в том, способны ли они признать их таковыми, раскаяться и жить дальше правильно. Если да — они и есть образцы и идеалы, если нет — они предостережение.

Андрей Цеменко

Фрустрированные идеалисты — хороший термин. При "условно тоталитарном" обществе практически все общественные мнения были конструктивными и все хотели добра — хотя и разного, противоположного, но все "свое" позиционировали как добро. И все привыкли себя считать белыми и пушистыми.

А потом двойной (повторный) слом идеологии прошелся именно по этим людям. Так что на словах и на деле они сейчас прагматики и вечные "темные".

Но! Удивительно, сколько этих ребят сразу отказываются от своих теперешних людоедских убеждений, стоит им вспомнить, например, "Полдень". Правда, ненадолго отказываются — на время воспоминаний ровно.

Вот еще феномен — был юбилей Шефнера — идеалиста из идеалистов. И не было ни одного критика, который предъявил бы ему упрек в инфантилизме и дурости. Наоборот, все ныне Темные считают его своим отцом родным духовным. Зато Ван Зайчика принято поливать по полной программе...

Константин Якименко

Я скажу вещь, идущую вразрез с моими собственными убеждениями, но: все оттого, что люди в основной массе своей утратили веру в Бога как некое высшее существо и поставили в центр мира самих себя.

КНИГА ДЛЯ ПИСАТЕЛЕЙ

Польское издательство SuperNOWA анонсировало книгу "История и фантастика" (Historia i fantastyka), авторами которой являются литературовед Станислав Бересь и самый знаменитый фантаст страны Анджей Сапковский. Книга написана в форме диалогов и посвящена не только фантастике. В издательском анонсе сказано: "Это не просто книга для матерых фэнов, которым интересны лишь смертоносный "путь меча" ведьмака либо смачные подробности любовных похождений Рейневана (хотя разговор пойдет и об этом). Книга, скорее, для тех, кого интересуют связи истории и фантастики, взгляды писателя на литературу, методология его творчества". Что ж, нам остается только ждать перевода.

По материалам Интернет-источников

НОВЫЕ КНИГИ

Издательство "Армада", как всегда, радует любителей фантастики обилием новинок. В октябре оно выпустило романы В.Данихнова "Братья наши меньшие", В.Лосева "Одинокий волк", А.Лоскутова "Венец творения", И.Поля "Ностальгия" (все — серия "Фантастический боевик"); С.Мусаниფа "Подземная канцелярия", В.Леженды "Войны былинных лет", С.Шведова "Истребитель драконов", А.Рудазова "Три мудреца в одном тазу" (все — серия "Юмористическая фантастика"); О.Авраменко "Грани нижнего мира", А.Орлова "Сезон королевской охоты", Е.Тыртышниковой "Черный замок", И.Мерцалова "Схаас" (все — серия "Магия фэнтези"). Из переизданий и доптиражей октября, пожалуй, стоит отметить книги О.Громыко, В.Зыкова, В.Ивановой, "Меч Без Имени" и "Сестренку из преисподней" А.Белянина и "Арвендейл" Р.Злотникова. Кстати, на декабрь заявлено издание продолжения последнего романа под названием "Герцог Арвендейл".

В планах издательства на ноябрь: К.Алейников "Познавший кровь", В.Забирко "Мы пришли с миром", А.Пехов "Искатели ветра", Б.Иванов "Бог гномов" (все — серия "Фантастический боевик"); М.Зинченко "Пропавший племянник", А.Чернецов, В.Лещенко "Сети зла", А.Мякшин "Бес специального назначения" (все — серия "Юмористическая фантастика"); В.Иващенко "Маленькая ведьма", Л.Горбенко "Маг-новобранец", А.Самсонов "Кощеевы земли", А.Якубова "Владычица ночи". Из переизданий и доптиражей ноября следует отметить книги А.Парфеновой (цикл про Ауте), А.Пехова, О.Панкеевой, А.Белянина, Р.Злотникова.

В издательстве "Форум" к концу ноября должны выйти "Стертые буквы" Елены Первушиной (фэнтези), "Новый год плюс бесконечность" Сергея Челяева (рождественская сказка) и "Хомячки в Эгладоре" Марии Галиной (городская сказка).

Порнографический магазинчик

Небольшой магазинчик был втиснут между гигантским супермаркетом с одной стороны и изящным бутиком, торгующим дорогими женскими шмотками, с другой. Одно из тех заведений, мимо которого проходишь, даже не замечая его существования. И только вывеска вдруг заставила остановиться на полдороги, вздрогнуть и сделать несколько шагов назад.

"Порнографический".

Так значилось на скромной серо-белой вывеске над входной дверью. Надпись не бросалась в глаза, но странным образом отпечатывалась в подсознании, верно, была рассчитана на тех, кто частенько думал о "клубничке" или, наоборот, был ярым поборником морали. Этакий "якорек".

Какой-нибудь секс-шоп или видеосалон, набитый под завязку продукцией самого откровенного содержания, подумал я.

Но разве я постоянно размышляю о чем-нибудь таком? Или хожу на демонстрации с плакатом "Пояса девственности в каждую школу?". Или... или порнографию у нас не только вывели из подполья, но и решили дать соответствующую широкомасштабную рекламу... Что-то еще притягивало внимание неискушенного путника, что-то было, кроме кричаще-сдержанной вывески.

Словом, я решил не играть в угадайку, а решительно толкнул дверь.

Диннь-дили-доннн, раздался мелодичный звон над моей головой. Удивительно — в таком месте и дверной колокольчик.

Пока глаза после дневного света привыкали к царящей в помещении полутьме, я стоял словно оглушенный затхлым запахом магазинчика. Не скажу, что это был совсем уж неприятный запах, так пахнут альбомы со старыми слежавшимися фотографиями, но все-таки в первый миг это ошарашивало.

— Чем могу быть полезен, молодой человек? — Полутьма обрисовала силуэт продавца, стоящего за старым деревянным прилавком с облупившимся лаком. Присмотревшись, я заметил, что продавец был совершенно невыразительным человеком. Можно сказать, что он был не молод, но и не стар, не урод, но и не красавец, человек с неуловимыми чертами лица. Вопрос застал меня врасплох.

— Эээ... я... в общем, я бы хотел спросить... чем, собственно, вы тут торгуете?

Я беспомощно огляделся. Стойка с товарами за спиной продавца была заставлена матовыми флаконами разного калибра, и поэтому магазинчик больше напоминал парфюмерную лавку.

— Мы торгуем любовью, молодой человек, — с достоинством ответил продавец.

Ну, ясно, сейчас меня отведут в какую-нибудь тайную комнатку и покажут фотоальбомы, которыми здесь так воняет, с красотками. А потом я должен буду выбрать понравившуюся и...

— Только имейте в виду, юноша, — продолжал продавец, — мы торгуем не физической любовью. У нас более ценный товар. Мы продаем, так сказать, нематериальную любовь, духовную, возвышенную, без какого-либо сексуального влечения. Если можно так выразиться, платоническую, но это было бы не совсем верно. Ибо наш товар можно совмещать и с половыми отношениями, если они, конечно, совместимы.

— Как? Как вы сказали? Продаете любовь?

— Ну, например, любовь к женщине или мужчине. Любовь к детям. Любовь к животным. Любовь к родине... У нас очень широкий ассортимент. Хотите подробнее?

— Да, пожалуйста, — процедил я, не найдясь, что еще ответить.

— Хорошо. Вы можете купить любовь к какому-нибудь субъекту, как я и сказал, это может быть кто угодно: девушка, которая жаждет вашей взаимности, ребенок, который нужно ваше внимание, тетя, дядя, начальник, теща, Президент страны, наконец...

— Знаете, Президент, это как-то слишком...

— О'кей. Есть любовь к определенным занятиям. Чтение, обучение, спорт, работа...

— Вот любовь к обучению было бы неплохо, пожалуй. Сказать бы без иронии: экзамен — это для меня всегда праздник... Чудесно!

Продавец неопределенно хмыкнул.

— Есть еще один товар. Правда, он особенный.

— Особенный? — мне понравилась эта игра, я уже решил, что говорю с психом, но где-то в глубине души детская вера в чудо побеждала природный скептицизм.

— Его практически не разбирают, во-первых, дорого, во-вторых, он нужен далеко не каждому. Это любовь к человечеству — ко всем людям вместе и к каждому по отдельности.

Ну, хватит с меня цирка. Ехидным голосом я спросил:

— Если мне позволено будет узнать, где вы производите свой товар? Как я могу узнать его качество?

Улыбка продавца была самая открытая из всех, что я когда-либо видел.

— К сожалению, не могу ответить на ваш вопрос. Не хотелось бы разглашать секрет фирмы. Но я могу дать вам товар в кредит. Если вы убедитесь в качестве продукции, то выплатите и остальное. Все оформим по правилам. У вас паспорт с собой?

Я немного растерялся. Проклятое детское любопытство побеждало.

— Хорошо, если вы так говорите... Я бы хотел... я бы хотел приобрести у вас любовь к человечеству.

Зачем я это сказал? Я что, всегда был законченным альтруистом? Никогда за собой такого не наблюдал. Но любовь к женщине у меня уже была и не принесла счастья, родителей я люблю и без этого, детей у меня нет, работа нравится... Выходит, из множества любовей у меня нет любви к человечеству. Да что и говорить, иногда от этих людишек меня с души воротит, либо они мне просто по барабану. А как это, интересно — любить все человечество? Это, что ли, сродни огромной групповухе, только в духовном плане?

Я почувствовал, как на мое лицо наползает циничная ухмылка. Продавец тоже скалился. Теперь он мне казался отвратительным.

— Вы действительно этого хотите?

— Не сомневаюсь.

Через полчаса мы все уладили. Я держал в руках флакон, наполненный любовью к человечеству. "Выпей меня, Алиса". Я выпил содержимое флакона прямо в магазинчике.

Идя по улице, я не чувствовал в себе особых перемен, пока навстречу мне не попалась толпа дебильно гогочущих подростков. Ну, это я раньше так думал, что они дебильные. Но теперь я видел в них особенный свет. Каждый из тинейджеров был чем-то хорош. Вот этот хоть уже и героиновый наркоман, но любит читать книги, и для своего уровня достаточно начитан. Разве возможно его за это не любить? А это девочка, которую девочкой можно назвать только по возрасту, до сих пор шьет любимой кукле платья, такие трогательные красивые платья. Прелесть.

— Дядя, че пялишься? — один из подростков, любящий видеть красивые сны, угрожающе смотрел на меня. — Я че те, порнозвезда?

— Ты звезда, — сказал я, оглядев подростков, — вы все звезды. Только вы этого не знаете.

— Вот обкурок! — загоготали они и прошли мимо.

Теперь я всматривался в каждого человека и понимал, что даже в самом плохом есть свет и любовь. Да, даже в этом парнишке, который через два часа изнасилует и задушит шестнадцатилетнюю девушку — он так любит коллекционировать марки, он часами может сидеть с пинцетом над кляссером и подбирать марки не по тематике, но по цветовой гамме. Эта любовь буквально выплескивалась из него. И я уже не мог осуждать его за будущий поступок.

И тут я сообразил, что бесплатным бонусом к товару приобрел телепатию и ясновидение, которые все равно не смогу использовать в корыстных целях или против кого-то — рука не поднимется. Но, кто знает, какая бывает на самом деле любовь к человечеству и каждому человеку в отдельности? Всеобъемлющая и всепрощающая, без каких-либо колебаний и слабостей? Может, такая и есть.

Домой я уже бегом прибежал — срочно нужно было найти деньги, заплатить за остальную часть товара. Продавец сказал, что флакон в кредит действует всего день, а остальное в размере оплаты — чем выше оплата, тем дольше действие. А у меня, как у завзятого наркомана, уже тряслись руки, я готов был продать все свое имущество и отправиться бродяжничать, лишь бы эта любовь всегда была со мной! Наркоманы бы сказали, что я подсел на любовь к человечеству с первой же вмазки.

Порнографический магазинчик уже был закрыт. Я бесполезно подергал ручку двери и решил найти черный вход, может, там для меня откроется. Обойдя дом по периметру, наткнулся на нескладного молодого парня, по всей видимости, студента, который курил на обшарпанном крылечке. Я ошарашенно глядел на этого студента. Парень был пуст. В нем не было никакой любви, даже малейшей, будто из него ее высосал какой-то жуткий вампир.

— Что, продаваться пришел? — равнодушно спросил меня парень.

— Да нет, наоборот...

— Понятно, а я за своим притащился. Продал тут этому хмырю любовь к обучению, ясный пень, сессию завалил к чертям собачьим.

Наверное, у меня был слишком удивленный вид, поэтому парень любезно пустился в объяснения.

— А ты как думал? Кто-то продает, кто-то покупает. Иногда вот думаешь, почему одни люди к тебе со всей душой, а потом глядишь — уже зверем на тебя смотрят. А это они любовь свою на время продали. Вот как я, например. Так что, если видишь, как мать лупцует своего ребенка по-зверски или любящий муж над любимой женой издевается, знай: хмырина этот ли, другой, поспособствовали.

— А как же мы? Что же у нас?!

— Вы? И не надейся, что это всегда с тобой будет. Тут ведь как в медицине, со своим органом хоть и больным сто лет можно прожить, а как чужой тебе присобачат, так он плохо приживается. Постоянно надо будет делать всякие процедуры, чтобы орган этот пришитый не отвалился. Так и с чувствами — нельзя жить чужим, отвалится. Зато свое обратно вернуть можно. Ладно, бывай. Гад этот, наверное, уже домой смылся, дрыхнуть. Я завтра приду.

Парень хлопнул меня по плечу. Без какого-либо дружелюбия, как автомат, запрограммированный на определенные действия.

Я остался один на один со своей любовью к человечеству. Человечеству, которое торговало своими чувствами, как на базаре, а всякие позорные магазинчики служили посредниками. Но я все-таки любил этих людей, жадных до счастья любой ценой, ведь я был одним из них. И, как мне кажется, понял, что нужно делать, недаром служил в войсках особого рода.

На пороге порнографического магазинчика стоял пакет.

Я удалился уже достаточно далеко, но взрыв все равно услышал.

До окончания моей любви к человечеству осталось ровно десять минут.

Елена НАВРОЦКАЯ,
Новосибирск, Россия

Как не надо писать фантастику

(штампы и штампоборчество)

Изъюзанные темы (продолжение):

Разгадки великих загадок — так кто же все–таки построил пирамиды Египта — атланты, инопланетяне или снежные люди? Какие циклопы и, главное, зачем создавали циклопические сооружения Перу? Кто из современных художников перенесся в прошлое, чтобы нарисовать Мону Лизу, и в чем все–таки секрет ее таинственной улыбки — в том ли, что художник рассказывал пошлые анекдоты, или в том, что она — инопланетянка? Все это ты узнаешь, о любознательный читатель, прочитав наш рассказ...

Смертельное шоу — телевикторины а ля "русская рулетка", жизнь на экране а ля "за стеклом" и тому подобные эксперименты, где люди на потеху публике подыхают или жутко страдают, чтобы одному из них в итоге достался главный куш. Тема перекочевала из западной фантастики (где уже в 1980–х себя исчерпала), подпитываясь современным бумом реалити–шоу на отечественном телевидении.

Рассказ на конкурс — почти на каждом крупном конкурсе обязательно есть хотя бы один рассказ о том, как автор пишет рассказ на конкурс (часто даже конкретизируется, что вот, мол, именно на этот, а не какой–либо иной). Произрастают такие поделки из неспособности придумать нормальный, полноценный рассказ, отличаются низким качеством исполнения и неизменно встречают презрительную ухмылку у коллег по конкурсам.

Лябовь и смеррrть! — две магистральные подростковые темы. В мировой литературе и о том, и о другом сказано так много, что сказать что–то новое невероятно сложно. И о той, и о другой теме надо или хорошо, или никак. Но когда о любви слащаво, или о смерти пафосно — это сильно раздражает. Лучше о чем–то другом. О дружбе, например, куда как меньше текстов.

Изъюзанные завязки:

Встреча в баре — крутой главгер, как правило, бывший вояка (или крутой хакер, или еще кто–нибудь... но обязательно крутой!) — на мели. С работы его выгнал злобный начальник, жена (или любовница, реже — и та, и другая) ушла, денег нет, его колбасит... Он приходит в бар (независимо от того, происходит ли дело в средневековье, эльфийском средиземье, далеком будущем, иных планетах, параллельных мирах — бар всегда один и тот же), на последние медяки заказывает себе алкогольного напитка... Пьет и думу думает, о судьбинушке своей тяжкой кручинится. И тут появляется некто (старый друг, подозрительный тип, прелестная незнакомка) и говорит: "есть дело!".

Несостоявшийся суицид — собственно, вариация предыдущей завязки, проблемы все те же, только тут главгера (или героиню) ну так конкретно плющит, что он решает покончить с собой. Прикручивает к люстре веревку и залазит на табуретку..., либо — приходит на мост и перелазит через перила..., либо — ложится в ванну с теплой водой и достает бритву... И тут появляется некто (инфернальные силы, потомки–хрононавты, спецслужбы, инопланетяне) и говорят: "не делай! есть дело!".

Утренняя побудка — герой спит себе, как ни в чем не бывало (в самых запущенных случаях автор даже считает нужным ознакомить читателя со сном) и тут (вдруг, разумеется) к нему стучат в дверь, звенит будильник, на него льют воду из вазы с цветами, бьют сапогами под ребра, в глаза светит ласковое солнце, — короче, он ПРОСЫПАЕТСЯ.

Утреннее похмелье — обычно сочетается с предыдущей завязкой. Главгер просыпается и мучается похмельем. Голова раскалывается, в глотке сушняк, в трусах носки, — блин, как же ему паршиво! Не, ну как же паршиво–то! А давай мы сейчас расскажем тебе, о любознательный читатель, с чего это он вчера так напился. И с кем. Что–то он помнит хорошо, а что–то — совсем не помнит. Но постепенно память к нему возвращается. Правда, интересно?

Амнезия — напоминает предыдущий вариант, только здесь потеря памяти почти полная. Главгер приходит в сознание в незнакомом месте и ничего про себя вспомнить не может. Что за..? — думает он, но жить как–то надо, и герой начинает осваиваться с окружающей обстановкой, попутно пытаясь выяснить про себя всю правду–матку — и выясняет–таки, куда ему деваться.

Утро студента — "простой студент" описывает свое "простое утро". Вот он просыпается, встает, поедает завтрак, приготовленный мамочкой, нехотя плетется в alma mater (или наоборот, решает забить на "образовательный процесс"), там просиживает задницу на парах, на перемене встречается с Машкой, или Коляном, или Петькой, или с Алексей Иванычем, или со всеми сразу, и говорит им (или они ему говорят): "есть дело!".

Лекция профессора — профессор читает лекцию. Длинную, нудную, скучную. Автор в уста ему вкладывает свою идею, тем самым думая убить двух зайцев: с одной стороны, читатель сразу должен проникнуться к идее уважением (ведь не кто–нибудь, не дворник дядя Вася — профессор говорит!), а с другой стороны — не надо чесать репу над тем, как поднести идею самой историей, можно вывалить прямым текстом, да и собственно над текстом не шибко работать. Реже встречается чуть продвинутый вариант, когда длинный наукообразный монолог вкладывают в уста дворнику дяде Васе (или любому другому персонажу не–профессору), но суть приема от этого не меняется, сохраняются все те же характерные признаки лекции, которая смотрится еще более нелепо. Прием "лекция профессора" применяется не только для завязки, иногда авторы пихают ее в конец, иногда — по тексту, там, где считают нужным вывалить на читателя идею.

Интервью — в принципе, типологически можно считать вариацией предыдущей завязки. Только здесь эмулируется пресс–конференция, через вопросы журналистов и ответы интервьюируемого (обычно главгера, но не обязательно) читателю дается вводка в курс дела.

Обнаружение загадочной планеты — корабль обнаруживает (или специально прилетает с исследователями на) планету, с которой что–то не то (аборигены все разом померли, дождь идет наоборот, пестики в тычинки не влезают и т.п.). Главгер (со товарищи) чешет репу и говорит: надо нам эту загадку разгадать! Загадка сначала кочевряжится, не дается, но в конце концов все–таки раскалывается — а куда ей деваться–то?

Невероятное открытие в лаборатории — молодой талантливый ученый, коротая ночи над колбами и ретортами, совершает изобретение мирового масштаба (суть изобретения нередко преподносится в виде лекции профессора). С этого–то весь сыр–бор и загорается (как правило, появляются злые дяди, нередко — в баре, которые хотят это изобретение использовать в своих нечистых целях, а не менее злые коллеги, как правило — старые и бездарные, насмехаются, отказываясь признать гения, и "зажимают" законную нобелевку).

Биография — родился главгер там–то и там–то у таких–то родителей. В детстве он отличался бла-бла-бла. Когда подрос, он стал бла-бла-бла-бла-бла. И так далее, и тому подобное. Из всех возможных вариантов познакомить читателя с героем автор выбирает самый простой: сразу все свалить в форме справки из домоуправления и пойти дальше.

Задушевный разговор — ну, садись, парень. Не побрезгуй. Давай выпьем. А вот знаешь, какую я щас тебе историю расскажу? Ни за что не догадаешься — и т.д., и т.п. Это шаблон со стажем. Еще Гаррисон высмеивал и пародировал его.

Изъюзанные персонажи:

Бомжи — всех полов и видов. Как правило, авторы над ними либо глумятся (выставляя их тупость и пропитость), либо жалеют (расписывая преступно–презрительное отношение к ним нормальных людей).

Писатели и редактора — нередко сочетаются вместе, в силу понятных обстоятельств, но могут фигурировать и по отдельности. В случае писателей рассматриваются их взаимоотношения с творческим процессом, с героями, с редактором и, реже, с читателями. У редакторов дело обычно ограничивается писателями и рукописями (любопытно: ни разу не встречал, чтобы кто–то уделял внимание отношениям редактора с издателем, видимо, многие начинающие авторы сливают их в одно лицо).

Юрий МАКСИМОВ, Москва, Россия

Продолжение следует

(Продолжение. Начало см. в №10 за 2005 год.)

Восьмой ветер

Художник — Роман Коваленко, Днепропетровск, Украина

Вероятно, все началось с того, что я каждое утро, сойдя с трамвая, еще долгое время шел вниз по улице посередине дороги. След в след по разделительной полосе. Как раз между двумя противоположными направлениями траффика.

Это было для меня обязательным ритуалом. Сквозь подошвы ботинок текла с грязно–белой линии удача и поднималась теплом к сердцу. Так каждый мой день начинался со своеобразной взлетной полосы перед долгой трудной дорогой.

Я сидел на своей заветной лавочке в скверике, разрезающем главный проспект Города на две аккуратные половинки. В руках каталась блестящая запотевшая баночка "Pepsi". Я ее взял здесь, недалеко, в безлюдном магазине, по привычке полном еще всякой снеди. Я — тоже по привычке — оставил два пятака у осиротевшей кассы.

Я старался отпивать маленькими глоточками, но от ледяного содержимого баночки зубы стыли все равно. Значит, еще жив. Значит, это даже не сон.

Никого.

И тишина.

Ветер больше не шумел листвой. За одну ночь, откуда ни возьмись, явилась осень, обтрясла все деревья и подкинула подожженные листья в воздух. И теперь они сыпались, золоченые, обуглившиеся, прямо с неба, из нависших клубков туч. Все сыпались, сыпались, сыпались... Мне то и дело приходилось доставать листок из спутанных волос. Тут же его подхватывал ветер и уносил, одной его, ветреной, душе известно куда. А Город тихо мирно затопляло желтым листопадом.

Никого...

...И листья.

Внизу. Под слоями потрескавшегося асфальта, спекшегося песчаника, глины, бетона, спутанных корней и разложенных в строгом порядке черных блестящих проводов шел трамвай. Я ощущал его каждой клеточкой своего тела, я видел его — от колес до номера над лобовым стеклом — ясно и четко. Дурачок. Не для кого уже, а он все равно, упрямо, по привычке — от света станции к темноте тоннелей.

Я бросил камушек в лужу. Круги расходились нестерпимо медленно. От центра к краю, от края к центру. Еще утром я прошел пешком целый район и не нашел даже тел. Никого! Только листья, сыплющиеся с неба на опустевший Город. Скоро все будет погребено под веселым осенним золотом: мосты, крыши, по привычке работающие фонтаны (намокнув, листья стремительно темнели, набухали и уходили ко дну), ступени Набережной. И я.

Вначале мне на самом деле показалось, что я умер. Серьезно. Знаете, так обычно в фильмах бывает: главный герой погибает в страшных мучениях, а потом обнаруживает себя в ином мире. В одиночестве. Правда, это длится недолго — тут же он встречает главную героиню. И дальнейшее развитие событий зависит исключительно от того, будут ли сей фильм смотреть дети. Мое одиночество было куда бесконечней, оно жило и дышало в этом Городе со времен его восстановления из пепла. Одиночеством пахло. Можно даже не проверять: никого. Хотя однажды я все–таки снял лаковую трубку в телефонной будке и долго–долго слушал ветер.

Людей здесь нет. Они не ушли сами. Знаете, им бы это при всем желании не удалось: срастив хребет с миллионом вещей, далеко не уйдешь. От них избавился Город. Он долго болел людьми, но теперь накопил силы и выздоровел. Я его понимаю — они порой совершенно невыносимы.

Люди стали воздухом.

Люди стали листьями.

Люди стали воспоминаниями, цветными снами, бредом Города.

Все понимаю. Только вот... серьезно, зачем он выбрал меня?

Мы встретились с ним впервые, когда я родился. С самого начала он был довольно странным и вольнолюбивым (неудивительно, что и я весь в него пошел). Посудите сами, никто не знал, как его на самом деле зовут. У него была куча имен, но ни одного настоящего. Каким хотел, таким и назывался. А потом обманывал и оборачивался иной стороной своей бездонной души. Когда–то давно его убили, втоптали в грязь, а он все равно возродился. Такой же лукавый, такой же юный. Наверное, мы с ним ровесники. Серьезно, если переводить с его, городских, на мои, мальчишеские, получается одна и та же звонкая пора. Нам всегда было, о чем поговорить. Когда меня начинало тошнить от окружающих людей, я сбегал в пойму несуществующей ныне реки и долго–долго шептался с ним. А он давал советы, честные такие, от души, что называется. Я все–таки стараюсь понять, почему я?...

Правда, некоторые вещи все же прояснились. Меня, например, всегда удивлял тот факт, что с одними людьми мы постоянно сталкиваемся на улицах, с другими же — никогда. Теперь же я очень ясно различал путанки–дорожки, раскинувшиеся на все километры Города. Люди наивно полагают, что сами выбирают, куда и зачем идти. На самом деле за них выбирает Город, тасуя встречи и антивстречи, разлекаясь от всей своей бездонной асфальтово–гравиевой души.

Теперь же мы ему наскучили.

Шаг. Другой. Третий. Ветер ерошит волосы, перебирает их ласково и тут же бросает в лицо горсти рыжей степной пыли.

Теперь. Что ни шаг — воспоминание. И горький запах гниющих листьев.

Вот здесь, на сырых ступенях Набережной, я назвал Пашку козлом. За дело назвал, между прочим. Кажется, это было вчера. Много–много листьев назад...

Пашка старался меня удержать, не понимая, что я давно уже не с ними. Меня нестерпимо раздражают люди, которые о чем–либо жалеют. Ходят нудят: "А может, все еще будет по–другому?" Да ни черта уже не будет по–другому! Только эти кретины ничего не желают видеть и понимать. Так я Пашке и сказал. В общем, обозвал его козлом. Пашка больно–пребольно двинул мне в скулу, отчего я свалился с каменной тумбы на асфальт. Драться я никогда не умел, поэтому просто поднялся и сел на свое место. Пашка, красный от злости, обозвал меня в ответ самовлюбленным идиотом и ушел: я еще долго спиной ощущал, как он спешит вверх по мосту; руки в карманах, взгляд — на пыльных ботинках. Словом, все как всегда.

Я еще долго сидел на нагретой за день тумбе и смотрел на реку. "Самовлюбленный идиот" — надо же! С ума сойти. Да, я хорошо играю на гитаре. Я ве–ли–ко–леп–но играю. Но это вовсе не смысл жизни, да к тому же мои пальцы явно нуждаются в починке: на той неделе у меня в крови нашли какую–то гадость, так что приходилось дыроколить пальцы по несколько раз в день. От струн ранки воспалялись и гнили. Мне–то плевать, а мать переживает. Пришлось бросать гитару, Пашку и остальных. Мне–то плевать...

Еще полшага в прошлое. Здесь, в заброшенном сквере, я познакомился с нею. Шел дождь. Даже не так. Ливень! Она бежала босиком по рассыпавшимся на лица людей и отблески автомобильных фар лужам. В тоненьком ситцевом платьице. Знаете, такое неброское с виду — серенькое в мелких лиловых цветочках. А ей шло. Она вообще была чертовски милая. Город привел ее, босую, ко мне под навес бывшей троллейбусной остановки, где уже собралась порядочная толпа. Нас тут же прижали друг к другу. Конечно, мы не могли не познакомиться. И я уже через пару минут устал мечтать, как стяну с девчонки промокшее ситцевое платьице и доберусь — сначала — до розовых горячих сосочков, а затем и до всего остального. Пришлось срочно расталкивать народ локтями и, крепко держа ее за руку, бежать прочь сквозь теплые августовские струи.

Потом еще много чего было: разбитые и потрескавшиеся губы, заплаканные глаза, безудержный подростковый секс. Было хорошо. И даже очень. Но я и этого не жалел. Знаете, как–то глупо, когда тебя что–то раздражает в других, а сам ты ведешь себя не лучшим образом. Ведь так? Поэтому–то я и не жалею. Город ее привел, Город от нее меня и избавил.

Прозвонили вокзальные часы. Кажется, восемь. Скоро темнеть начнет. Можно развести костер из листьев и пожечь эти жухлые воспоминания к чертовой матери. А можно найти пустую квартиру, обвешанную чьими–то семейными фотоснимками, сплошь скучно–одинаковыми. А еще можно просто бродить до рассвета по колено в листве. Можно делать — Что Угодно! Я теперь свободный, как Семь Ветров. Да–да, именно так: я — Восьмой Ветер. Весь Город теперь мой. И не нужно больше думать о миллионе глупых вещей. Например, о будущем. Терпеть не могу зануд, которые только и делают, что живут завтрашним днем, а в результате из чистеньких мальчиков вырастают скучные глаженые яппи. Никакого будущего — одни разговоры. Так вот. Я буду духом Города, его хранителем, ревнителем и прочее, прочее. Пока он позволит, конечно.

Все–таки, я так подумал, чертовски здорово, что один мальчишка постоянно ходил по разделительной полосе. Да?

Кристина ВОРОНЦОВА,
Волгоград, Россия

Крыщухи

— Крыщух-то травить будете?

В голосе старосты звучала то ли надежда, то ли, напротив, опасение. Он хитровато глядел снизу вверх на приезжего, почесывал бороду грязноватой пятерней, а за спиной его собрался чуть ли не весь поселок. Запрокидывались серые лица, раззявливались рты, детишки тыкали пальцами. И то — не каждый день к ним в глушь наезжает землемер из города. Справились бы с весенней разверсткой полей и сами, но указ был ясный — если одолевают крыщухи, надо выписывать из города землемера. И поднатужились, и выписали.

Землемер ожиданий не оправдывал. Среднего роста, кряжистый, в плечах широкий, в какой-то косоворотке — мужик, одним словом, а никакой не ученый. Голос у него, впрочем, был чистый, звонкий, и глаза не по-деревенскому цепкие.

— Буду. Сегодня вечером и вытравлю. Как, сильно вредят?

— Не то чтоб вредят, — тут староста малость смутился и оглянулся на односельчан.

Разговор шел у калитки старостиного дома, откуда открывался вид на единственную поселковую улицу, всю в колдобинах. Дома скособочились вдоль нее, с палисадов свисало тряпье, битые горшки щерились тут и там. У соседнего дома чесался шелудивый пес, а его хозяин стоял сейчас в толпе, и вид у него, как и у пса, был недоумевающий и обиженный. Из приоткрытого рта свисала нитка слюны, и ветерок чуть шевелил ее, и плескалось под ветром тряпье на заборах. Землемер глядел на поселковых, и было ему муторно. Так вот и проходит жизнь, думал он, так вот и пройдет.

Староста между тем продолжал:

— Пошаливают иногда. Зерно там попортят, жито. Или в пшенице бегают, бегают, всю ночь слышно — шурх и шурх. Ходы роют, отсюда и до самого леса. Шкодят. Но не как стервецы, конечно, этого не сказать.

Слушатели закивали.

— Только, понимаешь...

Тут староста вновь запнулся и зачесал в бороде так яростно, что пес у забора замер и уважительно на него уставился.

— С детьми плохо. Больно уж много малых воруют. У Селечихи вон, третьего дня — или на той седьмице, что ли — дочку уволокли. Нет, все честь по чести, полено в колыбель положили. Полено они всегда кладут, этого не отнять.

Деревенские опять закивали.

— Нам-то от этого хорошего много. Полена — они справные вырастают. Работники. Мой сарай переложили на Пятицу, так иной умелец из города так не переложит. Столярничают, опять же. Или огород там вскопать, или в плуг, соху их впрячь — это как раз. Да вон, гляди — идет Бородковское полено. Поди, лет двадцать назад его подкинули, и такое справное выросло!

Землемер оглянулся. По улице шагал мужик. Шагал, тяжко накренясь, покряхтывая, впряженный в огромный воз. На возу горой высились горшки. Рядом с возом топал худой старикашка и временами подстегивал впряженного хворостиной.

— Бородок не нарадуется. Такое рукастое полено ему попалось — всем бы такое. Так что даже и не знаю я...

— А дети-то? С детями-то что?

Вмешалась крепкая молодуха. Она прижимала к груди слабо покважкивающий сверток, а глазами грозно сверкала на старосту.

— Дети-то, кровиночки! Что там с ими ироды эти делают, в норах своих? Жрут или мучают, а ты и рад! И-эх!

— Цыть, баба! — вызверился староста, — Сопли вон лучше Дуньке своей утри.

Баба, однако, не смутилась. Стояла, раздувая ноздри, и несколько теток из толпы кивнули согласно — мол, права она, права.

Староста обернулся к землемеру, виновато развел руками.

— Бородковская эта. Слышь. Это братана ее старшенького крыщухи утащили.

— И правильно сделали, — добавил он, оглянувшись на бабу, — глядишь, вырос бы из него стервец какой-нибудь, ужо бы он тебя маленькой и сожрал.

Молодуха гневно фыркнула, взметнула юбками и зашагала к крайней избе.

Землемер проводил ее взглядом до самого тына.

— Бородковские эти, одни с ними неприятности, — воркотал из-за плеча староста. — Много о себе думают. У них-то уж поди разов пять утаскивали, удивляюсь, как и эту не утащили.

Землемер смотрел на тын. Крепкий, высокий, из новеньких, свежеобтесанных поленьев. Видать, запряженный мужик и тесал. Мало какой умелец из города такое бы спроворил...

Из трубы Бородковского дома поднимался дымок. Тонкий, бледный, он тек к серенькому небу, и землемеру казалось, что он чувствует запах этого дыма. Пахло ржаным хлебом, добрыми сосновыми дровами, стиркой из большого корыта, пахло мокрой глиной и немного — домом. Землемер не помнил, где у хозяина была обустроена печь для обжига горшков. Он вообще мало чего помнил.

Воз, медленно катившийся по улице, подъехал к воротам. Старый Бородок крикнул, и ворота открылись. Землемеру хотелось увидеть что там, за высоким тыном, но увидел он лишь клочок смятой травы на въезде.

Голос старосты стрекотнул под самым ухом:

— Ну что, мил человек? Будешь травить? У вас там, говорят, и яд припасен особый?

Землемер молча потянул из-за спины мешок. В мешке был плотно запечатанный горшок, доверху заполненный густой, белой пастой. По виду это вполне могло бы быть ядом. Но это был сахар. Землемер усмехнулся, подумав о том времени, когда в горшках, действительно, хранился яд. Страшно подумать, что творилось бы здесь, если бы господина нашего волостного заседателя тоже не воспитали крыщухи. Надо будет сказать вечером Полли и Вигену, чтобы забрали к себе Дуньку. Племяшку.

ДЖУ-ЛИСС,
Реховот, Израиль

И ТРЕСНУЛ ДИСК НАПОПОЛАМ...

Компьютерная игра "Ночной дозор"

Жанр: *Пошаговая RPG, по мотивам книги Сергея Лукьяненко "Ночной Дозор"*
Производство: *Nival*

Начну с того, что игру неправильно позиционировали, приклеив ярлык RPG. На мой взгляд, авторы изобрели некий новый компилятивный жанр, который можно назвать "интерактивным мультфильмом". Ибо от игрока в этой игре зависит лишь то, как он проведет бой и как быстро даст правильный ответ на заданный вопрос. Сюжет линеен и жестко ограничен сценарием. Даже финальную сцену, записавшись, можно два раза проиграть и получить практически то же самое.

Привычные рпг-шные персонажи, так называемые NPC, отсутствуют, как класс. То есть, вы, бесцельно бродя по подворотням, не наткнетесь на какого-нибудь старца, который бы дал вам задание собрать сто экземпляров журнала "Химия и жизнь", а за это он поделится с вами артефактным коктейлем Молотова. Да и бесцельно побродить у вас не выйдет. Все задания вы получаете от Гесера или от самого персонажа. Обещанная прогулка по Москве тоже не состоялась, потому что герои по сюжету попадали в жестко заданные места.

Сами бои поначалу были занятные, но потом быстро наскучили. Даже на Завулона вы не потратите слишком много времени. Сама магия очень сильно напоминает игру Baldur's Gate и иже с ней.

Графика в общем неплоха, однако не доведена до совершенства — когда в одном месте набивается куча народу, то даже мой Радеон сильно тормозит. Анимация местами дерганая и угловатая, хотя некую приятную индивидуальность персонажам авторам игры удалось придать.

Бесспорными достоинствами игры можно назвать: диалоги — Леонид Каганов постарался, и музыку — а тут постарался Александр Пушной. Так что, к восторгам журнала "PC Игры" — "Зрелищнее фильма, интереснее книги" — я присоединиться не могу. Как фанфик — да, но как самостоятельное произведение игровой индустрии, увы, нет.

Как мне кажется, игру поторопились выпустить. Над ней можно было еще поработать, разветвить сюжет, добавить необязательные, но сулящие дивиденды, задания, колоритных NPC, в общем, все то, что отличает грамотную RPG от интерактивного мультфильма.

Фанфик, плагиат, случайность?

В последнее время идет много разговоров вокруг понятия fanfiction, или, по–русски, "фанфик". Этим слово обозначают произведения, действие которых происходит в мирах, придуманных другим автором, или с героями, придуманными другим автором. Критики и литераторы спорят в основном о том, считать ли фанфики литературой или вообще приравнять к плагиату, то есть недопустимому с точки зрения авторского права заимствованию. Предлагаемая вашему вниманию статья раскрывает одно из мнений по данному вопросу. Несогласные приглашаются к дискуссии.

Иногда при чтении попадаются произведения, в которых с удивлением наталкиваешься на уже читанное — имена, названия, описанные ранее миры и сюжетные коллизии. Периодически приходится задумываться, что это такое перед тобой — плагиат, fanfiction, случайность? Альтернативный взгляд на мир, продолжение "массового сериала"?

У меня сформировались свои определения по этому вопросу, которые хочется обозначить и представить к дискуссии.

По известному мне определению, **плагиатом** считается заимствование 60 и более процентов материала чужого произведения. Чем можно и ограничиться; впрочем, я не знаю, как именно высчитывается процентовка. Но обычно плагиат видно за версту.

Что тут сказать? Плагиат — это настолько плохо, что за это даже можно под суд попасть. Правда, только если утащено почти все, хотя бы больше половины. Встречаются порой заимствования, которые никак нельзя счесть случайными — хороша случайность, почти слово в слово совпадают 2–3 абзаца! Субъективно, для себя, я данные фрагменты тоже почитаю плагиатом (хоть и расхожусь тут с Гражданским кодексом во мнениях). А автора, соответственно, плагиатором. И отношение у меня к нему будет резко негативное. Плагиат, даже мелкий и фрагментарный — то же воровство, причем "с особым цинизмом". С отягчающими обстоятельствами — кошелек можно спрятать, в насильника брызнуть из баллончика, а чужой текст беззащитен вовсе.

Случайностью я могу счесть только разово встречающиеся deja vu — название планеты, уже использованное кем–то до того, оружия, корабля, — при условии, что это именно отдельные фрагменты, обусловленные тем, что нечаянно не достало фантазии или вылетело из головы, что это уже где–то было.

В таком случае остается только пожелать автору взять и заменить случайно запозшее чужое слово или название на свое собственное, оригинальное. И все будет хорошо, вопрос моментально будет снят.

Что лично для меня fanfiction? Любое произведение, в котором используются детали чужого фантастического произведения, одного или нескольких. Атрибутика, герои, места действия. При этом они могут браться как есть, могут подвергаться авторскому истолкованию. Но это — всегда узнаваемые миры или герои. Любое произведение с ведьмаком по имени Геральт, с событиями, происходящими на планете Дюна или с использованием конструкции "люди vs Иные трех видов" я автоматически почитаю за fanfiction. Или, если кому–то не нравится данное слово, за произведение "по мотивам" или из серии "Миры такого–то".

Сериал, например, приключения Конана–варвара или "Унесенные ветром", — вещь достаточно определимая во всех отношениях. Пишут их весьма разные авторы. Один начал — другие продолжают; и так — пока интерес у читателя окончательно не пропадет. Это, конечно, по большинству признаков fanfiction, как он есть, с моей личной точки зрения. Что отличает сериал от любительского "творчества по мотивам"? Только одно — качество, которое издатель посчитал достойным тиража, иногда достаточно сомнительное на мой вкус.

В общем — бывает fanfiction любительский и профессиональный, как спорт. Любительский висит на личных Интернет–страницах, профессиональный — издается. Тем не менее — ничем принципиально новым он не становится.

И, наконец, самый сложный жанр — **альтернативная** литература. Сложность для меня лично — в определении критериев. Где это фанфик, где — именно литература? Задумываться приходится редко, но иногда — приходится.

Здесь будет спорно, но я хочу предложить такой критерий: все, что не издано, т.е. были попытки, но оно не оказалось достаточно адекватным для издательства, — относить к "любительскому fanfiction" по определению. По одной простой причине: может быть, вместе со старыми столами погибли десятки гениальных романов, но мы об этом просто знать не можем. Сетевые публикации — не критерий; вывесить можно что угодно и где угодно, и даже раскрутить. А вот если некий текст издают — значит, у него есть потенциальный читатель, и даже не один, а некий тираж. Любительская литература может быть сто крат гениальней профессиональной: можно быть превосходным шахматистом, но не идти в профи, а играть с друзьями.

Если же автор такого текста и не хочет издаваться, и не пытался — значит, он и не идет в профессионалы, значит, слово "любитель" его не заденет и не оскорбит.

Я лично в нем ничего обладающего даже минимальным негативным оттенком не вижу — любитель, значит, любит. Литературу. Тексты свои...

То, что издано...

Ну, во–первых, сразу о "копирайте". Копирайтов на мифы, сказки, легенды и прочее "народное" творчество нет. Даже если оно было записано неким автором. Здесь слово "альтернатива" неприменимо.

Это новое прочтение, или все что угодно, но не альтернативная литература.

Точно также нет "правообладателя" у событий исторических, случившихся реально, даже если автор "альтернативы" полемизирует с неким художественным произведением, написанным до него. Если же речь идет о произведении, демонстрирующем именно "иную версию" другого художественного текста — здесь и начинается самое сложное и тонкое. Фанфик или альтернатива? Где критерий?

Для меня ответ складывается из трех компонент:

— Художественная ценность. Написано ли это на уровне, не уступающем оригиналу? Если нет — то это не альтернатива. Можно рассматривать два текста, как дуэль: если оригинал выигрывает, то противник — не альтернатива. Альтернатива — выбор между равными возможностями. Альтернативный текст должен быть написан лучше или на одном уровне с оригиналом.

— Новизна. Есть ли в книге именно новое прочтение, обладающее внутренней логикой, или это банальная ломка чужого сюжета и образов? Допустим, Вася не убил Петю, а подружился с ним. Почему? Просто "потому что" или сам текст оригинала предоставляет площадку для такого толкования? Есть ли адекватно проработанные основания для изменения логики первичного повествования?

— Самостоятельность. Можно ли читать этот текст, не будучи знакомым с оригиналом, и разобраться в происходящем, и получить удовольствие от прочтения? Или его нужно издавать только вторым томом к оригиналу?

Если ответ на все три вопроса "да" — то это альтернативная литература. Жанр редкий, почти уникальный, но все же существующий.

Почему я хочу выделить его в отдельную графу, а не считать удачной, качественной разновидностью fanfiction? Потому что в истинной альтернативной литературе уже столько своего, что чужое не является в нем основным и определяющим; оно является отправной точкой, но дальнейший путь автора сугубо самостоятелен. А в fanfiction, невзирая на его качество, чужой фон является основным — на один (любой) из трех вопросов ответить "да" невозможно.

Пара слов о **fanfiction**.

Я, собственно, не считаю, что произведения "по мотивам" — это плохо. Нет, до определенного этапа это вполне нормально: во–первых, грамотно проработанный чужой мир — это неплохая тренировка; во–вторых, если удается внести в него отчетливую свежую ноту — это уже очень хороший показатель.

Но — по моему искреннему убеждению, любому творчеству "по мотивам" не место ни на одном конкурсе; дело даже не в том, что скорее всего жюри их отбракует и высоких оценок не поставит. Дело в том, что эти произведения или чисто учебные, тренировочные — или тусовочные, написанные для собратьев–поклонников жанра. На конкурс же имеет смысл предоставлять только тексты, написанные самостоятельно от начала до конца.

Потому как чужие миры — это, с одной стороны, костыли для еще не дозревшего до самостоятельного творчества автора. С другой же — серьезный бонус, ведь "опорное" произведение, как правило, обладает внутренней логикой, проработанными деталями, и из него гораздо легче собрать свое собственное.

По своему опыту: мне в свое время во многом помогло написание именно произведения "по мотивам"; жертвой пала одна достаточно популярная японская anime; не знаю, насколько удачно вышло, но, судя по одной рецензии "достойно быть самостоятельным текстом", мне удалось достичь собственной цели — написать нечто, обладающее своим характером и стилем. Однако, как бы все хорошо ни было, это — только тренировка, и не более того. Потому что хоть моего там и было больше, чем чужого, но чужого было достаточно для того, чтобы это было чистым fanfiction.

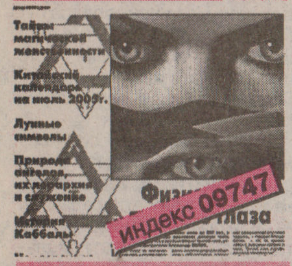
Творчество "по мотивам" — если оно только не является пародией — не есть плохо, но это достаточно отчетливый показатель несамостоятельности автора, как создателя мира. Хочется сказать — временной, возрастной — но иногда, увы, эту планку автор и не стремится преодолеть, ему хорошо в насиженной чужой нише. Это уже, на мой взгляд, печально.

В чем привлекательность написания произведения "по мотивам" — для меня в некотором роде загадка. Одну отгадку я вижу — "он стоял надо мной и говорил "Напиши про меня!", как написала У.К. Ле Гуин в предисловии к "Планете Роканнона". Какой–то персонаж или мир кажется настолько привлекательным, настолько западает автору в душу, что хочется показать свое видение. Хочется просто нестерпимо... Это хорошо — лишь бы рано или поздно встал над душой свой собственный персонаж, и начал долбиться еще более настойчиво.

Еще вариант — автор–тусовочник. Который пишет для своей компании, которая является объединением поклонников некоего произведения. И пишет, собственно, для того, чтобы развлечь свою тусовку. Ну, что я тут могу сказать — по–моему, таким авторам имеет смысл тусоваться на своих форумах и сайтах.

Другие варианты мне пока что в голову не приходят. Может, кто подскажет?

Татьяна АПРАКСИНА,
Москва, Россия

Законы бытия, тайны судьбы, мир сверхъестественного

Внимание, АКЦИЯ!

Дорогие друзья! Оформив годовую подписку на пять и более блоков "Новой интересной газеты", вы получите возможность принять участие в розыгрыше ценных призов. Для этого нужно до 15 декабря прислать в адрес редакции (03047, Киев-47, пр-т Победы, 50, офис 460, "НИГ") ксерокопии квитанций на годовую подписку блоков, сообщить свой подробный адрес, желательно контактный телефон и краткие сведения о себе. На конверте сделайте пометку "Акция".

Среди подписчиков "Новой интересной газеты" будут разыграны ценные призы:

- бесплатные годовые подписки на любой выбранный блок
- мобильные и радиотелефоны
- фотокамеры

СУПЕРПРИЗ семь дней отдыха в Болгарии — Золотые Пески

Пророчества, знамения, гороскопы, гадания, приметы

Православный ликбез, молитвы, магические обряды

Научные гипотезы, досье, тайны планеты

Хроника аномальных явлений, параллельные миры и космос

Феномены природы, таинственные явления вчера и сегодня

Рецепты народной медицины, секреты долголетия

Рецепты здоровья от читателей и народных целителей

Оригинальные версии событий мировой истории

История криминального мира, жизненные детективы

Преступление и наказание. История и современность

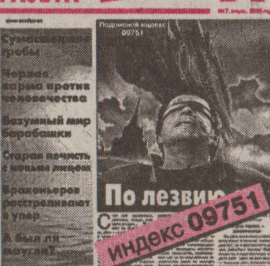
Исторические события, архивы без грифа "секретно"

Истории любви от читателей, советы психологов

Углубленное изложение разнообразных интересных тем

Хроника катастроф, приключений и чрезвычайных событий

Фантастические новости, интервью и рассказы, обозрения

Красное на белом

Художник — Юлия МЕНЬШИКОВА, Москва, Россия

Белый потолок. Белые стены. Белые простыни. Стерильность. Чистота. Покой.

Тихо гудят приборы, подключенные ко мне. Отщелкивают уже неровный пульс. Тоска...

Тоска умирающего.

Сколько мне осталось? День, два, несколько часов. Не все ли равно? Все равно ничего не изменишь. Жаль, запрещена у нас эвтаназия. А в Бельгию не попасть — некогда уже, да и никак. Скоро уже. Скоро.

Как там месяц назад мне врач говорил? "Слишком поздно, нужно было обращаться пять лет назад. Тогда при оперативном вмешательстве с вероятностью 70% мы могли бы Вас спасти. Сейчас же даже с пульмонэктомией в комплексе с полихимиотерапией в лучшем случае можно продлить Вам жизнь на семь недель". Что ж, вперед, сказал я ему тогда. Надежда умирает последней. А вдруг в это время изобретут уникальное лекарство от рака легких? "Только одно условие, — сказал я, ложась в стационар, в "досрочный морг", как у нас называли за глаза, — родных не оповещайте".

Черт, опять плечо заныло. Ворочается опухоль, давит, бурчит, плюется кровью, смеется кашлем, не дает дышать. Не торопись, родная, недолго тебе надо мной смеяться осталось. Вместе сдохнем. И очень скоро.

Что-то живенько я для человека, стоящего на пороге смерти, думаю. Помолиться, что ли? А толку? Как я молился, когда у меня бронхи в узел скручивало и кашель валил на землю! "Господи! Пусть я выживу сейчас, — лишь это удавалось тогда протолкнуть с розовой пеной и красной слизью изо рта. — Мне еще родных тащить и тащить из бедности". Выживал я тогда. И вновь — работа, кровь на губах, убившие меня сигареты. Надоел я Богу. И в самом деле, сколько можно ныть?

Хорошо, медицинская страховка действует. А то подыхал бы где-нибудь сейчас под забором. Может, так было бы и лучше. Во всяком случае, быстрее... Зря я на лечение согласился. Больничная палата стала для меня вечной Голгофой...

...Вновь очнулся. Зачем? Господи или Сатана, да заберите же меня с этого света! Надоело.

Эти глаза матери, полные скорби, любви и гнева. Когда она навестила меня (когда?) (кто сказал?) (почудилось?). И святой отец, прикладывающий крест к губам. И младший брат, рыдающий как ребенок. Звуки, чувства, запахи, слова... Кашель, озноб, боль, кровь, трубка во рту, пункции, пальцы как барабанные палочки, "...овсяноклеточный рак... медиастинит... гастростома".

Умираю. Странно, нет печали и жалости к самому себе. Уже нет. Потому как... Да-да, именно — слишком поздно. Устал надеяться на чудо, на неожиданное исцеление, вмешательство высших сил. Свыкся.

Все, что мне осталось, — видения и бред, воспоминания и ожидание конца. Молился поначалу, каялся, пытался вспомнить все грехи. А после операции и это прошло. Слишком поздно.

Что оставил я после себя? И это вспоминал, клал на чаши весов добро и зло, но разве все вспомнишь?

Свидание с родными принесло лишь боль, горечь и вину за то, что умираю так рано. Свидание с прошлым состояло из горячечного бреда, который могли утихомирить лишь воспоминания о ней.

Милая моя родная Леночка, вот когда пришла пора собирать камни. "Ты слишком много куришь", — говорила ты мне тогда. И — кто знает? — может, не будь той нелепой случайности, послушал бы я тебя, бросил курить, не оказался бы здесь.

Хорошо, хватило у меня здравого смысла задавить желание послать весточку, что, мол, приди, простимся. Не хочу, чтобы ты видела меня таким — бледным, с синяками под глазами, с выпавшими волосами и шелушащейся кожей. Еще еле живой человек, пока живой труп... Пусть в памяти твоей я так и останусь красивым высоким мужчиной с приятной улыбкой, с любовью в глазах, всегда возникающей на лице при встрече с тобой, при мысли о тебе.

Нелепая случайность... Как часто возникают они у нас, как больно ранят, как сильно меняют судьбу.

Мы любили, правда? Я люблю тебя до сих пор. А ты? Знаю, что тоже, и тоже страдаешь, что не вместе. Но слишком велика обида. Да, нелепо получилось. Ты ведь девушка принципиальная и гордая, такое не прощаешь. Надо же было тогда так напиться...

Но хватит. Виноват я перед тобой, Леночка. Простишь ли ты меня ПОСЛЕ?.. Конечно, простишь. Узнай ты обо мне теперешнем, уверен, примчалась бы даже ночью. Слишком мы любим друг друга, чтобы... Нет, без всяких "чтобы". Знаю, что и работу бросила бы на те несколько дней, которые остались мне на этом свете. И мы смотрели бы друг на друга и разговаривали глазами. Плакали, вспоминали и каялись. Знаю, что так и могло быть. Потому и запретил говорить тебе. Будь счастлива, пока я жив. Надеюсь, будешь счастлива, когда меня не станет.

Воспоминания, впечатления, мечты... Как жжете вы воспаленный и без вас мозг. Словно тлеет внутри меня окурок. А в груди кусок льда застрял. Уцепился в плоть острыми краями льдинок, и каждый глоток воздуха колышет его, и царапает он, и печет, кха-кха-кха. Давишь его кашлем, а он рвет и рвет остатки бронхов.

Палата зыбкая, текучая, белый цвет больно бьет по глазам, медсестра вновь вытирает тряпкой с клеенки кровавые ошметки меня. Когда уже я "кончусь"? Невыносимо... печет, гудит печка, бьет колокол по ушам, а о раны на груди чешет когти кот-садист.

О. А ты кто такая? Лена?!! Нет, почудилось. Господи, галлюцинации начались. Нет, просто — НАЧАЛОСЬ! Я умираю. Страшно. И хорошо. Отмучился. Слезами горю не поможешь, выплакал уже свое, накричался вдоволь "За что?". Все тлен.

Вот опять. Девушка в красном платье, кто ты такая? Плод фантазии? Горячечный бред? Агония? Надо же, какая буйная и интересная, оказывается, у меня фантазия. Была.

Девушка, а девушка, а что у тебя в руке зыбкое такое? Уж больно на косу смахивает. Ты — смерть моя, что ли? Ха-ха-ха, кха-кха-кха.

— Да, Сергей, я твоя Смерть, — неожиданно ответила она на мои мысли. Это оказалось настолько необычно (галлюцинация заговорила?), что на некоторое время я оторопел, попытался разобраться в своих ощущениях и действительности окружающего. Да нет же, точно видение — вот и палата, и приборы слышно, и резко выделяются пятна крови на белой простыне. И вот она — девушка в красном на фоне белой стены. Тоже красное на белом. Бред, бред, однозначно бред. Ассоциативная фантазия, вызванная агонией.

— Вам, людям, всегда нравится искать в окружающем рациональное, — девушка присела на стул рядом с кроватью. Зыбкая "коса" меняла цвет с золотистого на бирюзу. — Но когда приходит Время, а с ним и я, ваша рациональность заканчивается.

Философствующая Смерть (не старуха, а девушка, причем симпатичная) — это оригинально. Во всяком случае, я такого даже в мыслях не мог представить. Ладно, пусть будет так. Хочешь поиграть? Подискутируем о смысле жизни? Расскажешь мне что-нибудь запредельное? Покажешь мне всю мою жизнь?

— Можно и это, — согласилась девушка-Смерть. Интересно у нее выходит: слышать мысли, а отвечать словами. — Я могу исполнить любое твое желание. Не материальное. Духовное.

— Вот даже как, — удивился я. — Прям как в старину "последнее желание" у казнимых.

— Конечно, — пожала плечами девушка, — с людьми — Проводниками Душ — мы часто общаемся. Они и переняли наши правила.

— "Мы"?

— А ты думаешь, я сидела бы тут с тобой и готовила к Переходу, будь я одна? Пусть Время и наш хозяин, но одновременно находиться в тысяче мест я одна не смогла бы, несмотря на темпоральные "сдвиги" и "остановки". Появилась бы в нужное мгновение, обрезала тебе пуповину и направилась к следующему, — она показала на что-то над моей головой. Я проследил ее взгляд и обомлел — прямо от макушки тянулась куда-то вверх ниточка неопределенного цвета. Взглянул на Смерть вновь и изумился еще больше — у нее тоже была "пуповина", правда, радужнее, "весомей". — Но последнее желание — право каждого, данное самим Хозяином. Потому нас, тех, кого ты называешь "Смерть", много.

Интересные ассоциации у меня возникают. Жаль, что слишком поздно. Глядишь, писателем с такой фантазией стал бы, сочинял бы фантастику... Слишком много "бы". Интересно, как долго будет длиться это видение? До самой смерти? Ха-кха-ха-кха. Больно-то как! Сейчас пройдет...сейчас. Кха! Кха!! Зыбко все. Когда конец? Слышишь, Смерть, когда ты меня заберешь?

— Скоро, — девушка и не думала исчезать. Странно, калейдоскоп жутких видений, мучавших меня который день, не проявлялся, а девушка-Смерть (почти материальная!) даже не поблекла. — Я не вправе добавлять или сокращать отведенный тебе срок. Я вправе...

— Да. Знаю. Исполнить мое единственное желание. Слушай, Смерть, почему меня не покидает мысль, что ты просто человек, решивший садистски пошутить над умирающим?

— Все мы когда-то были людьми, — прошептала Смерть. Тут я вспомнил, что до сих пор разговариваю с этой девушкой мыслями. Или она телепатка, или... Хм. А девушка, кажется, переживает какую-то внутреннюю давнишнюю боль — даже глаза, смотри ты, на мокром месте! Да, слишком эта Смерть отличается от общепринятого представления о ней.

О! Медсестра! Сейчас она увидит незнакомку и выставит ее за дверь. Но медсестра совсем не обратила внимания на постороннюю в палате, сверилась с приборами, что-то записала в журнал. А потом села на тот же стул, на котором примостилась Смерть, глянула мне в глаза. Жутковатое это было зрелище — сквозь белый халат медсестры просвечивало красное платье Смерти, а у вполне материальной девушки, казалось, было две головы. Наверное, невольный страх как-то отразился в моем взгляде, и медсестра, заметив, трактовала его по-своему.

— Сергей, — хрипло сказала она. Запнулась, не зная, как продолжить. Какие слова нужны почти умершему? Знающему, что стоит на самом Пороге. И назад дороги нет. Медсестра всхлипнула, встала, прошептала "Прости" — и почти бегом вышла из палаты.

Смерть посмотрела на меня, печально улыбнулась. Да, она не заставляла думать о себе как о действительности. Она все понимала. За свою долгую жизнь (?) девушка привыкла ко всему и не удивлялась моей реакции. Вот ведь как — я выдумываю ее саму, ее внешность (кстати, откуда, никто на нее не похож!), действия и поведение, но вот какое придумать ей прошлое?.. Странно, а вот этого не получается. Молодая рабыня, погибшая при набеге ордынцев? Принцесса — жертва мора? Или попавшая в авиакатастрофу туристка?

— Не гадай, все равно не получится, — отвернулась Смерть. И действительно, если уж принять, что все происходящее вокруг выдумывает мой умирающий мозг, то вот придумать прошлое девушки не удавалось совершенно.

Так и мать его итить! Есть ке пределы воображению?

Последнее желание, говоришь? А почему бы и нет? Сыграю я в твою (свою) игру. Последнюю в этой жизни. Вот что бы я пожелал, будь у меня такая возможность?

Мир во всем мире?

— Такое желание я не могу исполнить, — тут же отозвалась девушка.

— Желание должно касаться только тебя.

Ах да, конечно. Какие мы эгоисты! Да и в самом деле, если бы такое желание было возможно исполнить, на планете давно не было бы уже войн.

Достаток в семье?

— Я не могу исполнить материальное желание.

Ну и зануда ты, Смерть. А, скажем, удачи в делах младшему брату? Ой, опять не попал... только себе ж. Ну, излечить рак ты не сможешь? Опять неправильно. Духовное нужно. Смерть, ну подскажи.

— Многие желают одного — "увидеть" жизнь заново. То есть пережить всю жизнь, изменяя ее, наблюдая, как она могла бы пройти, не сверши они ошибок. Правда, при этом желании можно быть лишь наблюдателем, да и длится оно совсем недолго. Я не буду рассказывать тебе, что такое "точка времени" и "темпоральный антисдвиг". Поверь, ты мало что поймешь из сказанного. Но — это возможно.

Попробовать, что ли? А толку? Все равно умру не через час, так через два-три виртуальных дня. Наблюдать, "что было бы, если...", и в то же время знать, что это никогда не произойдет, мучиться этим и ждать того мгновения, когда этот чудесный сон закончится, и все равно придется умирать на забрызганной кровью кровати... Воистину, ожидание смерти хуже самой Смерти. Тем более такой симпатичной Смерти.

Попрощаться с любимыми? Это возможно?

— Да. Елена увидит тебя во сне. Там и сможешь с ней проститься. К сожалению, сейчас она не спит, но осуществить задуманное тобой не сложно.

Нет, пустое. Я безумно люблю тебя, Леночка, но мое "прости и прощай" уже лежит в комоде у мамы письмом в конверте со строгим "вскрыть после...". И ничего нового добавить к пятилистовому посланию души с того света я не смогу.

Вот ведь как получается. Оказывается, все, что мог сделать, уже сделал. Что должен был сказать — сказал... Смерть, а мир ты можешь мне показать? То, что хотел увидеть, где хотел побывать.

— Нет, только туда смогу отвести, где ты уже был; только то показать, что уже видел.

— Но ведь ты видела больше.

— Это ТВОЕ желание. И твоя память, — девушка опять стала грустной. Видать, худо ей было ДО...

Что же. Мое — так мое. А что, заманчиво. И где бы побывать? Черное море летом, пустынный пляж и мы с Леной одни... Закат на Алтае, безумно-красивые краски неба... Опушка леса у бабушки в деревне с водяной мельницей и стуком дятла...

Нет, это должно быть не просто воспоминание, это должно быть Чувство.

Красные капли на белой простыне... Что-то они мне напоминают. Постой, как же давно я не испытывал этого светлого и радостного чувства.

Счастье.

В первый раз я испытал то, что потом у меня ассоциировалось со словом "счастье", очень и очень давно.

Зима. Мороз. Снег. Вечереет. И я, малыш еще, гостивший у бабушки, тогда в первый и единственный в жизни раз увидел их — птиц с красной грудкой. Снегирей. Мы сидели с мамой на корточках, не шевелясь, боясь спугнуть, и смотрели, смотрели на это чудо. Теперь я знаю, что ничего особенного в этом нет — красные птицы на белом снегу, но Чувство счастья так и осталось навсегда. А вот снегирей больше никогда в жизни я не видел.

Можно?

Смерть посмотрела на меня долгим взглядом. Печаль была в ее глазах. Даже не печаль — тоска. Такая же, как и у меня. Грустно вздохнув, она кивнула головой и...

Белый снег. Тишина. Солнце спускается за деревья. А передо мной, всего в каких-то двадцати метрах, в снегу копошатся птицы с красной грудкой. Я вздохнул глубоко-глубоко, и не согнул меня пополам кашель, не зашевелилась в груди опухоль-убийца, и не прошлись наждаком по бронхам края льдинки под сердцем. Морозный воздух опалил легкие, мягкой опьяняющей волной смыл тяжесть больницы и защекотал кожу.

Снегири чирикали, прыгали по снегу и друг через друга, играя в чехарду, косились на меня бусинками глаз, веселились.

А мне стало так легко и радостно, что я чуть не засмеялся в голос. Счастье, это пьянящее давно забытое чувство, словно извиняясь за долгую отлучку, волнами накатывало на меня. Ушло куда-то гнетущее волнение перед Концом. И не так страшна была уже смерть как таковая. Кстати, Смерть. Где она? Хочу поблагодарить за неожиданный подарок.

Ага, вон. Что это с ней? Стоит, прислонившись к дереву, гладит его и... плачет? Смерть — и плачет? Как необычно. Как... нереально. Кем же ты была, девушка? Неужели в тебе сохранились чувства той еще жизни... еще Жизни?

Что за больное воображение у меня? Нет, такого придумать я не смог бы. Тогда получается, что...

Смерть обернулась ко мне, почувствовав взгляд. Тоска билась у нее в глазах, рука нежно гладила заледеневшую ветку. Отвернулась, рывком вытерла слезы. Мое счастье, смывшее всю грязь последних лет жизни, словно расплескалось по земле. Я чувствовал себя мыльным пузырем, пустым для новых чувств, желаний и поступков.

— Слишком долго я живу чужими воспоминаниями, — прошептала Смерть. — Нужно было сделать тогда правильный выбор. Как я хочу Жить! Я должна перерезать сейчас одну пуповину. Время пришло.

А мне было теперь все равно. Я был чист. Как там говорят — "полностью стерилен". Если сейчас должна оборваться моя жизнь, пусть это произойдет поскорее. Пока не ушло это чувство.

— Я не могу так больше, — простонала Смерть, взмахнула косой и... перерезала свою "пуповину". Улыбка облегчения, вспышка, удар грома.

Снегири дружно взмыли в воздух, испуганно чирикая.

Я ошарашено смотрел на то место, где была Смерть. Как это возможно? Что случилось? Я уже умер?

Налетел порыв ветра, и я понял, насколько замерз. Конечно, ведь больничная пижама мало спасает от двадцатиградусного мороза, а тоненькие носки вряд ли удерживают достаточно тепла. Если я умер, то почему чувствую холод? Это и есть мой персональный ад?

Я оглянулся. Если не ошибаюсь, то... да, он был там. Темным силуэтом на темнеющем небе выделялся бревенчатый домик. Овин, гумно, сарай, коровник. Где-то недалеко должна быть водяная мельница.

А рядом с домом... тоже силуэт, но его-то я ни с чьим не спутаю.

Лена. Неужели и ты тоже?..

Или это и есть наше с тобой прощание?

Об этом я узнаю, когда дойду до тебя. Триста метров по снегу в одних носках. Это не страшно. Только не исчезай, любимая, мне многое нужно тебе сказать.

Я иду, любимая!

Уже иду.

Михаил РАШЕВСКИЙ,
Киев, Украина

СЛОВАРИК НАЧИНАЮЩЕГО АВТОРА

Поскольку в этом номере много говорится о фанфиках и о произведениях, использующих чужие миры, поговорим о еще одной их классификации. По отношению к изначальному тексту "вторичные" произведения делятся на:

1. **Сиквелы** (от англ. "sequel") — произведения (книги, фильмы), описывающие события, происходящие после окончания действия в исходном произведении;

2. **Приквелы** (от англ. "prequel") — события книги/фильма происходят до начала действия в исходном произведении; предыстория случившегося в исходном произведении;

3. В последнее время в среде любителей фанфиков используется термин **сайдквел** (англ. "side" — сторона), обозначающий развитие боковой сюжетной линии, при этом действие хотя бы частично происходит во временных рамках исходного произведения. Русские остряки уже придумали для этого понятия более русифицированный термин **"вбоквел"**.

Отличительной чертой сиквелов, приквелов и "вбоквелов" является их написание (съемка) **после** создания исходного произведения. Собственно, из-за этого их и называют "вторичными".

Может ли сиквел, приквел либо "вбоквел" считаться самостоятельным произведением — вопрос дискуссионный. В качестве знаменитого "вторичника" называют Вергилия (по сути, "Энеида" — сиквел "Илиады"). Снятые недавно первые 3 части "Звездных войн" являются приквелами частей, снятых ранее. Однако к большинству приквелов, сиквелов и иже с ними предъявляют одну и ту же претензию: читать их, не читая первоисточника, невозможно или неинтересно. Отдельные исключения, по мнению противников фанфикшена вообще, лишь подтверждают правило. Кроме того, даже написанные одним автором, продолжения часто слабее исходного текста.

"Ожившим кошмаром твоим..."

— Ненавижу кошек, — сказал Синенький, глядя в зеркало, и погрозил отражению кулаком. Жена, Ивуся, с утра обитала на кухне — помешивала в высоких стаканах витаминную смесь; пузырьки поднимались со дна и радостно лопались.

— Что случилось, милый? — поинтересовалась Ивуся. Вместо ответа Синенький уселся за стол и осушил стакан одним махом, вцепился зубами в пластмассовый край и попытался отгрызть кусочек.

— Ты чем-то расстроен? — ласково спросила Ивуся, отбирая нервно позеленевший стакан. Синенький обвиняюще ткнул рукой в экран и повторил — на сей раз жене:

— Кошек. Ненавижу!

— Не расстраивайся, — попыталась утешить Ивуся. — Они такие маленькие, к тому же сидят в ящике с толстыми стенками. Они совсем тебе не помешают.

— Кошек, — в третий раз буркнул Синенький, вложив в это слово годовой запас сарказма, и принялся собираться на работу. Ивуся сочувственно наблюдала за попытками мужа задушиться собственным галстуком, надеть ботинки на разные ноги и засунуть в дипломат тапок вместо сухого завтрака.

— Мы явились! — прогремел Блюм, свирепо вскидывая над головой короткие руки. Но даже давно лелеемое в душе Синенького сравнение опостылевшего начальника с ожившим пнем не принесло удовлетворения. Не извинившись за опоздание, он плюхнулся на рабочее место и переключился на проект очередного поселка. Перед глазами как наяву стояли будущие аккуратные ряды новехоньких домиков, мягко светящихся в утреннем свете... ухоженные живые изгороди подмигивали глазками цветов... из-под изгороди вынырнула упитанная наглая кошка и демонстративно стала вылизывать лапу. От вопля Синенького подскочил не только начальник.

— Ты что, сдурел! Я из-за тебя заикой стану! — сообщил приятель, сидящий напротив.

— Я это... почудилось, — путано принялся объяснять Синенький, и съежился под уничтожающим взглядом "пня".

— На работу. Опаздываем. На работе. ОРЕМ!!! — в свою очередь проорал Блюм, и стукнул кулаком по столу. — Уволю!

— Не уволишь, я ценный кадр, — под нос себе пробормотал Синенький и опасливо принялся за работу. Вдохновение ушло.

Вечером жена сочувственно и влюбленно глядела на мужа, свернувшись калачиком на диване.

— Откуда у тебя эти манеры? — спросил Синенький, обрывая рассказ о служебных неурядицах.

— Какие манеры? — удивилась Ивуся.

— Ты лежишь, как, как... эта! — он мотнул головой, не решаясь назвать проклятое слово.

Утренние газеты вещали: "Победа ученых! После долгих усилий из оставшегося генного материала удалось вывести двух котят. Насколько можно судить по внешним признакам, животные напоминают сиамскую разновидность. Котята чувствуют себя хорошо и уже пытаются есть самостоятельно. Шансы на то, что удастся возродить исчезнувший вид, довольно значительны".

— Все мои предки страдали аллергией на кошек, — простонал Синенький, хватая газетный листок, пока тот не успел исчезнуть, и складывая из него чудище. — Сначала они выводят эту гадость в лабораториях. Потом начнут выпускать на улицы. И все повторится. Все повторится, Ивуся!

— Но, милый... — осторожно возразила жена. — С чего ты взял, что дело не ограничится лабораторией?

— Для жены выдающегося архитектора ты поразительно невежественна, — снисходительно сказал Синенький, хлопая ее по плечу. — Уж поверь моему опыту — сначала ученые радостно примутся выводить новые породы этих тварей, потом кто-нибудь тайком унесет "образец" к себе домой. Потом эта гадость начнет размножаться и заполнит все улицы. А потом, как в старые времена, придется искать лекарство от аллергии.

Жена сочувственно вздохнула и закивала.

Следующая неделя прошла на редкость спокойно. А в выходные Синенький увидел свою вторую половину со старым изображением котенка в руках.

— Знаешь, они такие милые, — виновато сказала Ивуся, отводя руку с картинкой за спину.

Синенький невнятно прорычал угрозу расправиться с проклятыми учеными и средствами массовой информации. Хлопнул дверью и нервно закурил на крыльце.

— Не знаешь, отчего, собственно, вымерли кошки? — поинтересовался приятель, взгромоздившись на рабочий стол Синенького. — Столько шуму подняли. Вроде какой-то вирус, не помнишь?

— Их перебили люди, страдающие аллергией! — взорвался Синенький. — Кыш с моего места! — и сам вскочил, оскалом напоминая очень голодного упыря.

— Гордись! — Блюм шарахнул по столешнице большой пластиковой папкой. — Первый городок на Луне проектировать будем мы!

— Еще чего не хватало — и без того ночами не сплю, — привычно огрызнулся Синенький, но вдруг глаза его остекленели. — Луна, — мечтательно сказал он, запустив пальцы в собственную шевелюру. — Такой махонький городок... под куполом...

— Мы переезжаем, — заявил он Ивусе. — Продаем все и покупаем коттедж в городке, который я спроектирую. Не прямо сейчас, но переезжаем.

Художник — Юлия МЕНЬШИКОВА, Москва, Россия

— Совсем свихнулся, бедняга, — посочувствовали сослуживцы. — Неудивительно — завален работой по горло, и отдохнуть некогда.

Растущих котят ежедневно показывали в новостях, утром и вечером. Белый и светло-коричневый, с темными пятнами на морде и лапах, они играли, распространяя аллергию и блох, вылизывались и жрали. Полгода спустя котят было уже восемь. А потом — о ужас! — искусственно выведенная самка принесла потомство естественным путем. Рождение отвратительных голых недомерков сопровождали бурей энтузиазма.

Синенький мрачно потягивал пиво в компании уцелевших кошконенавистников и мечтал родиться глубоководной рыбой и жить, окруженным себе подобными. У рыб нет шерсти, их никто не таскает на руках и не воркует над ними с идиотским выражением на лице.

— На Луне? — ахнула жена, — выслушав спятившего мужа. — Да хоть бы ты придумал в этом городке все до последней заклепки, у нас все равно не хватит денег на такое дорогое жилье.

— Я заработаю, — Синенький умоляюще взглянул на Ивусю. — Лет через десять туда полетят первые поселенцы, и у нас будут деньги, поверь мне!

— Жена да последует за мужем, — мрачно сказала вторая половина, но, выходя из комнаты, повернулась и демонстративно постучала себя по лбу.

За десять лет кошки распространились повсюду. Синенький ходил с распухшим носом, чихал и вытирал слезящиеся глаза. Медицина была бессильна.

— Увы, то ли ваша аллергия совсем старая и от нее уже не существует средств, то ли она еще новая... если позволите, мы будем вас изучать. — Врач бродил за Синеньким как приклеенный.

— Не надо меня изучать! — в минуты раздражения архитектор становился похожим на двуногую злую бациллу.

— Это у тебя нервное, — говорила жена. — Ты сам себе все придумал. Вот и мучаешься!

Синенький только отмахивался.

Он работал, работал, работал как проклятый, терпел хамские придирки Блюма, пытаясь накопить побольше денег, а мерзкие твари мяукали с каждого дерева, и, кажется, нарочно приходили и подвывали под дверью. В каждом воробье Синенькому чудилась кошка. Единственным утешением служило то, что при уменьшенной тяжести кошки чувствовали себя плохо, отказывались есть и тихо хандрили.

— И тут медицина бессильна! — напевал архитектор, злорадно ухмыляясь.

На исходе десятого года Синенький продал все имущество, подзанял денег у друзей, перевелся в другое ведомство и поселился в своей мечте, обнесенной прозрачным куполом. Оставив тоскующую по Земле жену возле экрана, архитектор совершал вечерний моцион, в сотый раз оглядывая окрестности. Законное чувство гордости разрасталось в душе — это мое! Это я сделал!

— Синенький, старина, кого вижу! — донесся знакомый рев. Обернувшись, архитектор увидел собственного начальника. "Пень" Блюм был одет непривычно просто — впервые за долгие годы Синенький узрел его без галстука и пиджака, в толстом полосатом свитере и полузастегнутой куртке.

— А я послал всех к черту и вышел на пенсию, — дружески сообщил бывший начальник. — Знаешь, душа радуется, как по сторонам посмотрю — все это проектировали своими руками! — он привычно потряс короткими ручками. — Старый я стал, в сантименты ударился. Вот, погляди...

Синенький оторопело взглянул на начальника — на грубой физиономии того дрожала идиотская улыбка.

— Разве они не прелесть? — непривычно прочувствованным голосом промурлыкал Блюм, и достал из-за пазухи двух крохотных белых котят. — Специально для Луны вывели. Новая порода, длинношерстные...

Светлана ДИЛЬДИНА,
Самара, Россия

Путем просторным

Логинов Святослав. Дорогой широкой: Фантаст. роман. — М.: ЭКСМО, 2005. — 320 с. 10.000 экз. (п) ISBN 5-699-10839-4.

Святослав Логинов — один из немногих нынешних авторов, чьи новые книги я не могу позволить себе оставить непрочитанными. Прежде всего потому, что он из тех, кто не боится рисковать — писать так, как раньше еще не писал. Очень ценю в авторах это качество и заранее готов простить им возможные проколы.

Тема и сюжет романа лаконично и исчерпывающе обозначены на обложке: "Путешествие из Петербурга в Москву на асфальтовом катке". Следующие издания этой книги я рекомендовал бы снабжать подробной картой, потому что Юрий Неумалихин волею судьбы и неутомимого гаишника Синюхова "рассекает" на своем асфальтовом катке не по прямой трассе М–10, а запутанным путем через окрестные вымирающие деревни. Тема неумолимого "прогрессивного" Одержания, сметающего на своем пути несчастные мелкие поселения, в фантастике не популярна и как бы заранее отдана на откуп реалистам–деревенщикам, хотя и прозвучала недавно в "Ночном смотрящем" О.Дивова. Логинов, ежегодно проводящий лето в глухой деревушке, практически отказался от фантастических элементов в новом романе, и облик описанного им запустения мрачен и беспросветен. Даже поэтическое "вино из одуванчиков" превратилось у него в обыденный самогон, получивший название "брэдберевка" по имени американского писателя. Разумеется, асфальтовый каток главного героя, невольно олицетворяющий безжалостный каток прогресса, никак не может выбраться на торную дорогу, блуждая по болотам и буреломам, и вместо Москвы выезжает к берегу Индийского океана...

Рассудок подсказывает, что безудержная урбанизация и неумолимый исход населения из деревень в города, — процесс объективно характерный для всей планеты нашего времени. Но сердце не хочет соглашаться с этой неумолимостью. Может быть, я не могу смириться с этой объективностью еще и потому, что сам родился и вырос в деревне, и хотя всю взрослую жизнь провел в городах, частенько ловлю себя на мысли, что городские дети обделены сельской приближенностью к природе и лишены многих непосредственных впечатлений, которые очень важны именно в раннем возрасте. Но одновременно я совершенно не готов призывать к возвращению в сельскую идиллию, прежде всего потому, что этой идиллии там вовсе не наблюдается. Логинов прекрасно показывает и полную бесперспективность, особенно для молодежи, жизни в деревнях, и тоскливое беспробудное пьянство, и налет запустения на всем...

Напарником Юрия Неумалихина в странствиях становится неординарная личность, отказавшаяся от своего имени. Этот мужчина просит называть его Богородицей. Его мятущуюся душу волнует вопрос: пора ли и стоит ли впускать в наш неустроенный мир нового Мессию? Судя по всему, его здорово потрепала жизнь, и его судьба напомнила мне главного героя "Дьявола среди людей" С.Ярославцева. Богородица, в отличие от Кима Волошина, не очерствел равнодушием к людям и готов им помогать, но не знает, как это сделать. Ситуация, в общем–то знакомая любому, кого волнует окружающая действительность и кому не безразлично, что мы оставим нашим детям.

Маленькая деталь. Главный герой за штурвалом асфальтового катка на обложке книги, наверное, не случайно изображен художником похожим на Василия Шукшина. Что–то шукшинское неуловимо проскальзывает во всем происходящем в романе. И "чудики", которые встречаются на пути главного героя, их поведение и мятущиеся души, и жутковатая смесь горечи и озорства в интонациях автора, повествующего о мытарствах путешественника и обитателей заброшенных поселений, и даже фантасмагоричность происходящего.

Не возьмусь определять видовую принадлежность этого романа. Ясно, что дефиниции вроде "ироническая фантастика" напрямую не подходят. Но это, наверное, и неважно. Главное, что текст получился душевный!

Владимир БОРИСОВ

P.S. *Еще по молодости Слава Логинов, узнав, что названия художественных произведений чаще всего начинаются на букву "П", решил, что у него не будет ни одной такой вещи. И надо же, один из ранних рассказов начинающего автора Святослава Витмана при публикации в журнале "Уральский следопыт" редактор Виталий Бугров переименовал, и он вышел под названием "По грибы". Ну уж нет, решил Витман и с тех пор пишет под псевдонимом. И у Логинова действительно нет таких рассказов, повестей и романов. А я, читая его новое произведение, всегда пытаюсь придумать похожее название, но с буквой "П" в начале. Вот таким альтернативным названием я и обозначаю эту короткую рецензию.*

СЪЕМКИ "ВОЛКОДАВА" ЗАТЯНУЛИСЬ

О пафосном российском проекте "Волкодав из рода Серых Псов" говорят второй год. Картина, основанная на славянской мифологии, должна подарить нам образ нового национального положительного героя, настоящего супермена, удивить техническим совершенством и порадовать бюджетным размахом. Уже работают два Интернет–сайта, посвященных фильму, одобрен выпуск 12–серийного приквела, началась разработка основанной на картине компьютерной игры... Однако пока не завершен даже съемочный период, и запланированная на 2005 год премьера явно откладывается. Причины? В "Волкодаве" много компьютерной графики, спецэффектов, рукотворные костюмы и эксклюзивный реквизит, сложнейшие трюковые сцены. Кроме того, в "Волкодаве" запланировано много съемок на "блу скрине", когда задник затянут голубым экраном, что позволяет впоследствии дорисовывать на компьютере все необходимое. Финальный бой протяженностью приблизительно в 12 экранных минут снимается порциями по 10–12 секунд в день.

Компанию голливудскому Горлуму составит полностью виртуальный персонаж — Нелетучий мыш. Облик дикого зверька, повсюду сопровождающего Волкодава, представляет собой синтез реального животного и компьютерной анимации. Специалисты "Dr Picture" проделали уникальную работу по созданию виртуального двойника камбоджийской летучей лисицы, которая участвовала в съемках "Волкодава". Анимированный Нелетучий мыш, подобно своему реальному прототипу, будет иметь естественный окрас с сохранением оттенков, а также эмоционально реагировать на происходящее.

Сегодня бюджет картины составляет десять миллионов долларов. Установленная дата премьеры — 16 марта 2006 года.

По материалам Интернет–источников

"Я спросил сегодня у менялы..."

Виктор Ночкин. Меняла. — СПб.: Азбука–классика, 2004.

Место действия романа — обычная фэнтезийно–средневековая страна, территорию которой ранее населяли эльфы, а на границах все еще встречаются гномы.

Главный герой обладает редкой для героя профессией менялы. Впрочем, в прошлом он был солдатом, и, кроме того, имеет некоторый магический талант. В менялы пошел после того, как стал калекой. Вхож в различные общественные слои, но нигде не имеет существенного влияния. Короче — простой парень со сложной судьбой. По ходу сюжета постепенно растет духовно.

Сюжет закручен неплохо, читается с интересом. Впрочем, если бы автор подсократил курсивные отступления, роман бы только выиграл.

К недостаткам можно отнести выглядывающие из некоторых кустов рояли, и частенько встречающиеся анахронизмы. Впрочем, читается роман легко и быстро, так что недостатки не успевают намозолить глаза. Не жалею о потраченном на его чтение времени. Но перечитывать не буду.

После прочтения сложилось ощущение, что "продолжение следует" и оно таки последовало в виде маленькой повести (скорее, большого рассказа) "Обычное дело". В повести герой уже не тот, что в романе — заметно вырос в моральном плане. Однако оценивать повесть не буду, поскольку она сильно смахивает на заготовку нового романа.

Pouce Ortell

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Уважаемые авторы "Новой интересной газеты"! Вместе с материалами просим высылать также копию справки с вашим идентификационным кодом, на которой указать паспортные данные и адрес прописки. Начисление и выплата гонорара без данной справки невозможны.

Редакция "Новой интересной газеты" просит всех авторов, чьи материалы опубликованы в 2005 г., сообщить свои идентификационные коды.

Редколлегия "НИГ"

Городские легенды

Чарльз де Линт "Городские легенды"

Издательство: Азбука–классика, серия "Городские легенды", 2005

Чарльз де Линт не слишком известен среди отечественных почитателей мистики и фэнтези, и издательство "Азбука" решило исправить это недоразумение, запустив серию "Городские легенды". В ней уже вышли одноименная книга, представляющая собой сборник рассказов, а также романы "Лезвие сна" и "Лунное сердце".

Канадский писатель прошел путь от эпигона Толкина до полностью самостоятельного автора и достаточно уютно чувствует себя в оригинальном жанре "магического реализма". Фантазии, незаметно и незатейливо воплощающиеся в жизнь, шагающие по авеню мифы, прошмыгивающие чудеса и приподнимающиеся маски, под которыми скрываются магические создания, — все это истории Ньюфорда. "Фантастика должна выйти из леса и переселиться в город", — говорит де Линт. "Городские легенды" — урбанистические сказки, небылицы, которые мог бы рассказать за кружкой пива пьяница, уверенный, что никто не примет сказанное за правду, легенды, рождающиеся посреди улиц. В каждом городе есть места, в которых чувствуешь дыхание потустороннего, и книга де Линта — калейдоскоп таких мест, мозаика из людей, все еще способных поверить в чудо, если они мельком его увидят. Но самое интересное и сразу же ставящее прозу Линта на особое место заключается в том, что мир магии и мир обыденный сосуществуют так тесно и в то же время так незаметно, что после прочтения рассказа сразу хочется обернуться и увидеть волшебную дверь.

"Земля — это сумасшедший дом для инопланетян, поэтому тут все вечно идет наперекосяк", — говорит один из героев "Городских легенд", и с ним сложно не согласиться. Несмотря на то, что издатели не очень любят сборники рассказов, в этом случае они сделали исключение и не прогадали. Ньюфорд — большой город вроде Нью-Йорка или Оттавы, и, как любой город, он населен самыми разными людьми: циниками и романтиками, бедняками и богатыми, пожилыми и молодыми, у каждого из которых свой взгляд на мир. Именно такие люди случайно сталкиваются с событиями необъяснимыми, которые можно пропустить, решив, что померещилось, а можно исследовать, приходя к непредсказуемым результатам.

Пишет де Линт очень просто, как могли бы писать постаревшие хиппи–добряки, но зато он с лихвой компенсирует это интересными идеями. В баре можно, если приглядеться, увидеть фею, усталые панки и трудные дети встречают ездящие сами по себе велосипеды, а вокалистка группы "Без монахинь" случайно натыкается на странного волосатого человека. Кстати говоря, многие герои рассказов де Линта — музыканты, потому что сам писатель увлекался кельтской музыкой, работал в звукозаписывающей компании и даже сколотил группу. Наверное, поэтому ряд текстов напоминает мелодии, которые снова и снова всплывают в голове. Часть рассказов мягка и наивна, но оставшиеся — замечательные. Про бродячие велосипеды, которые освобождают одомашненные, и увлеченного мальчишку. Или про птицу, которая живет в груди у каждого, но улетает прочь, когда человек перестает верить в магию. Или про девчонку, которую хотели разыграть, показав переодетого в йети парня, а она взяла — и увидела настоящего, но никому об этом не рассказала. Все происходит спонтанно, но вовсе не обязательно заканчивается хорошо; некоторые рассказы могли бы оставить жуткое впечатление, если бы не были написаны так по-доброму. Каждый идет своим путем: тот, кто не хочет видеть магию, лежит на больничной койке, внушая себе, что ему показалось; одинокий музыкант так и остается одиноким, не способный разглядеть влюбленную в него русалочку, а пропавшая вместе с призраком женщина не вернется обратно. Аннотация называет де Линта "канадским Стивеном Кингом", но от мрачности "короля ужасов" в "Городских легендах" разве что несколько рассказов, от которых по телу бегут мурашки, — у де Линта другие приемы.

Отдельным плюсом сборника является построение рассказов — тот, кто в одном из них был эпизодическим персонажем, в следующем может оказаться главным, история все продолжается и ветвится. Люди показываются и со стороны, и так, как они сами себя видят; характеры индивидуальны и разнообразны. Де Линта интересуют неоднозначные и проблемные герои, причем чаще всего это музыканты, художники, писатели, начинающие или зрелые, которые попадают в удивительные ситуации. Магия не нарочита, а загадочна; она только проявляется, а потом исчезает, словно ее и не было, оставляя после себя аромат приключений. Слухи, сказы, бредни бродяги, рассказывающего о привидении или живущих в канализации гоблинах, вдруг становятся очевидными, чтобы тут же раствориться, будто фантомы. Каждый, кто хоть раз в жизни ощущал дыхание волшебства в обычном, облитом асфальтом городе, найдет в "Городских легендах" что-нибудь для себя. Главное — уметь разглядеть чудо.

МОР

Молодильные яблоки

Мансуров Д.В.
Молодильные яблоки: Фантастический роман / Рис. на переплете В.Успенской – М.: АРМАДА: "Издательство Альфа–книга", 2005. – 404 с.:ил.

Один довольно известный писатель-фантаст Александр Рудазов подметил интересный факт. А именно — почти все русскоязычные авторы, пишущие в жанре юмористической фантастики, не обходят стороной тему народных сказок и обязательно пишут какую-нибудь особо смешную пародию на них, любимых. А вот другой довольно известный писатель-фантаст Дмитрий Мансуров скорее является исключением из этого правила. Дело в том, что все его изданные романы являются на редкость нетипичными, но сказками. Родными, привычными с колыбели. Посудите сами: сначала вышла трилогия про мастера магии и техники Кащея ("Кащей", "Бессмертный", "В конце времен"), а теперь и новый роман "Молодильные яблочки" продолжил славную патриотическую традицию.

Главным героем произведения является: правильно, царевич Иван из тридевятого царства. Как обычно, эгоист-отец поручает ему притащить молодильных яблочек, злодеи по пути похищают людей, куча других сложностей словно вырастает на пути Ивана, под конец в сюжете выплывают Баба Яга и Змей Горыныч, к молодильным яблокам в коллекцию артефактов добавляются скатерти-самобранки и сапоги-скороходы, говорящие куклы и ковры-самолеты. Вроде бы и все каноны жанра соблюдены, но не все так просто. Из ниоткуда в сюжет вплетаются инопланетяне, колдуны, мародеры, повышенная радиация, таинственный человек с черепом на плаще... Смесь из детских сказок мгновенно становится неописуемо гремучей.

Фирменный юмор Мансурова остался, как всегда, на уровне. Не лучше и не хуже. Просто замечательный, добрый юмор. Как жаль, что он — редкость в современной литературе.

Все настолько необычно и одновременно привычно, что оторваться невозможно. Замечательная книга стала достойным продолжением творчества молодого писателя.

Прочитавший все книги данного автора сразу сможет сказать, что рост мастерства налицо. Перефразируя известное изречение, скажу "Сей опус написал не новичок, но мастер". Книга смотрится более осмысленной, оформленной, глубокомысленной, нежели трилогия о Кащее. В сюжете меньше участков вроде "Все-в-одну-кучу", больше продуманных авторских ходов, большая часть из которых оригинальна. Книга гораздо сильнее цепляет, чем ее предшественницы. В самом деле: если раньше главным героем был почти всемогущий Кащей, то теперь в центре внимания малоприметчательный младший сын царя. У него нет ни меча-кладенца, ни мини-арбалета... Но есть главное — добрый характер и хорошие друзья.

Арсений КРАВЧЕНКО,
Минск, Беларусь

"Академонгородок"

Александр Бачило. Академонгородок. М.: ЭКСМО, 2004. 384 с. (серия "Русская фантастика").

Что делать нечисти, в которую перестали верить? Заставить с собой считаться. Что делать людям, если они отказались от веры в бога или черта? Спасаться бегством.

"Роман в происшествиях" Александра Бачило — это скорее хронология небольших историй, объединенных общим местом действия и главным отрицательным персонажем. Перед ничего не подозревающим читателем глава за главой разворачивается жуткая и необратимая картина победоносного шествия нечистой силы по сибирской земле. Что ж мы, страшилок не читали? Возможно, что именно таких и не читали.

Книга — превосходный образец следования традициям и одновременно — нарушения привычных стереотипов жанра. В любой истории "Академонгородка" можно найти классический киношный сюжет, до дыр затертый сценаристами фильмов ужасов. В то же время каждая развязка с железной логикой следует из цепочки непротиворечивых событий — поступки героев здесь не притянуты за уши, реалии нашей советской и постсоветской жизни отражены тонко и точно, при этом напрочь отсутствуют привычные инструменты борьбы со злом.

В самом деле, в книге не фигурируют церкви, священники и охотники на вампиров. Нет и отважных героев, из последних сил спасающих обывательский покой. Есть только мы, какие были и какие есть — занятые своими повседневными заботами, изверившиеся, сменившие построение светлого будущего на сиюминутную наживу. И нам нечего противопоставить оккупантам с того света. Откуда взялась такая безысходность? Оттуда, из реальности.

Из советского человека вытравили религиозность — и героям книги даже не приходит в голову уповать на божественную помощь. Они не верят в нечисть — и пожалуйста, нет ни средств, ни способов бороться с тем, чего как бы не существует. Зато в арсенале нежити все, что накоплено за века противостояния с людьми. Какой исход может быть у этой войны?

Если покажется, что с "Академонгородком" уже все понятно, это ошибка. Александр Бачило — писатель, мастерски владеющий пером. От книги получаешь максимум читательского удовольствия — от живых персонажей, от холодящих кровь приключений, от выпуклых и ярких "декораций", от сюжетных поворотов и неожиданных развязок. А если постараться, можно найти здесь и черный юмор, и иронию, и забавные диалоги. Порой можно усмотреть и желание автора отдать дань классикам и обзавестись собственной "Дьяволиадой". Вот и мелькают где-то в коридорах института Создания проблем тени сотрудников НИИ ЧАВО, и обивает бюрократические пороги инженер Окользин, дальний родственник булгаковского Короткова.

Увы, некоторые "главы" выбиваются из концепции цикла, роман мог и должен был бы обойтись без них. Справедливости ради, от этого они не становятся хуже ни на йоту, да и сам роман не сильно страдает. Что касается основной сюжетной линии, то неизгладимое впечатление оставляют "социалистический хоррор" ("Бригадир", "Новоселье", "Неглиневское кладбище"), шокирующий "Остров" и "Лесопарк", лучшая глава романа — великолепно выполненная мозаика, в конце концов складывающаяся в неожиданный узор.

И конечно, "Дом на холме", ключик с секретом ко всей книге. Казалось бы — спасение, на которое уже и надеяться перестаешь. И намек есть, кем и как будут спасены немногие счастливчики. Но изуверский "старт" "корабля", так и не появившиеся на глаза спасители и все предыдущее повествование оставляют читателя в сомнении — что же за "спасение" случилось на самом деле.

Закрывая "Академонгородок", можно только посетовать, что у писателя Александра Бачило опубликовано мало книг, а в современной русской фантастике не так много авторов, настолько хорошо владеющих языком и мастерством рассказчика.

О.ЯСТРЕМСКИЙ,
Оренбург, Россия

Чайная ложка магии

Анна Гурова. "Князь Тишины" "Астрель", Санкт-Петербург, 2005 г.

Ох уж эти подростки! Ох уж эти совсем еще дети, только-только открывающие для себя сложности Бытия.

Первая влюбленность и первая ревность, первые разочарования и предательства.

История четырнадцатилетней Гели, воспитанницы одного из художественных училищ Петербурга, вполне типична и даже банальна — в той степени, в какой банальны те простые и искренние чувства, что составляют основу человеческой жизни.

Вот только место учебы называется непривычно: Мастерская реальности Приморского района Санкт-Петербурга. И готовят в нем будущих магов, которые с готовностью применяют полученные знания для решения своих, кажущихся такими важными, задач.

Тонкие нити волшебства, умело вплетенные автором в ткань повседневности, придают знакомым ситуациям неповторимый сказочный колорит, превращая происходящее в волшебную сказку.

И все же, несмотря на весь антураж "городской фэнтези", Анна Гурова создала именно подростковый роман, роман-воспитание. Книгу, которой так не хватало всем, в чьем сердце сохранилось немного детства.

Милая, трогательная, чуть-чуть наивная и бесконечно прекрасная история.

История, которая еще далеко не закончена.

Аркадий РУХ

Звездный фейерверк Теда Чана

Тед Чан. История твоей жизни. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005.

Сборник включает восемь рассказов, написанных в 1990 — 2002 гг. Что сказать...

Впервые за долгое время я прочитал научно-фантастические рассказы такого уровня. Не удивительно, что почти все они удостоены престижных наград. Конечно, не все рассказы равноценны, но все интересны.

Ценителям "литературы идей" рекомендую настоятельно. В каждом рассказе автором рассматривается некая идея, и весьма тщательно продумываются и описываются ее следствия. Начиная от проблем сверхразумных индивидов и заканчивая "политкорректным" требованием уравнять всех людей в плане внешности.

К сожалению, качество перевода обычное для АСТ. Меня лично больше всего раздражало постоянное употребление в одном из рассказов "атрибута" вместо "параметра". Очевидно, ни одного физика или математика в окрестностях издательства не водится.

Насчет литературных достоинств. Один знакомый критик заметил, что сюжеты рассказов несколько картонные. Я бы сказал — пластмассовые. Сюжет, в американских традициях, добротно слеплен из типовых деталей. Это заметно, но у меня лично отвращения не вызвало. Очевидно в силу того, что самостоятельной ценности сюжет не имеет, а служит лишь раскрытию идей. А идей, повторюсь, в этой тонкой книжке побольше, чем в некоторых многотомных эпопеях.

Pouce Ortell

ОХ!

В субботу жена Верка потащила Тупкова на выставку цветов. Выставка проводилась в центральном парке каждое лето и пользовалась среди горожан большой популярностью. Ее посещали все Веркины подруги, и жена Тупкова не могла упустить такого случая поучаствовать в светской жизни. Тупкова светская жизнь не интересовала, а интересовали пиво и телевизор, но эта самая жизнь у его жены случалась так редко, что в стремлении к ней Верка могла преодолеть даже линию Мажино, не говоря уж о сопротивлении супруга.

Так что Тупков вяло тащился за женой по парку, думая о безнадежно испорченном выходном и озираясь по сторонам в тщетной попытке обнаружить хоть какой–нибудь источник живительной пивной влаги. Однако до выставки с ее выездными ларьками было еще далеко, и по сторонам дорожки встречались лишь прикрытые густыми кустами недоломанные лавочки, на которых так славно употреблялась с дружбанами упомянутая влага в былые годы. Воспоминания о славном прошлом расстроили Тупкова окончательно, и он тяжко вздохнул: "Ох!", вложив в это короткое емкое слово все, что ему хотелось выразить по поводу вселенской несправедливости судьбы и загубленной жизни.

Внезапно Верка, произносившая монолог о недостойном виде и поведении Тупкова, оборвала свою речь на полуслове и застыла с поднятой ногой, а воробей, подлетавший к скамейке, завис в воздухе — на скамейке возник маленький зеленый человечек. Человечек одарил Тупкова ласковой улыбкой старого психиатра и приглашающе похлопал по скамейке рядом с собой. "Белочка!" — мелькнуло в голове Тупкова, но поскольку со вчерашнего вечера он не выпил ни капли спиртного, версия с белочкой была тут же отброшена. Ее место заняла вполне достойная и даже где–то научная версия об инопланетянах. Как раз недавно Тупков слышал от кого–то, что именно эти зеленые мужики любят похищать людей и ставить над ними какие–то опыты, а потому решил не перечить и тихо опустился на указанное место.

— Тпрндгтх, служба Оптимизации Хронопластов, — представился, между тем человечек. — Ваша заявка о неудовлетворительном состоянии вашего бытия в данном пласте континуума оказалась юбилейной — стотриллионной, и мне поручено выяснить и удовлетворить ваши пожелания. Не будете ли вы так любезны, изложить, что вам необходимо для улучшения своих экзистенциальных обстоятельств?

Из этого вступления Тупков понял только, что похищать его пока что не будут, даже наоборот — могут что–нибудь дать. Осмелев, однако, не наглея, он скромно произнес:

— Да чего там... Мне бы пивка пару бутылочек и все путем...

— О! Я вижу, вы понимаете толк в оптимизации, — с уважением взглянул на Тупкова Тпрндгтх. — Далеко не каждый, даже в более продвинутых хронопластах, знает об услуге всех путей. Да и оказываем мы ее чрезвычайно редко и с большими оговорками. Но вам, как десятитриллионному клиенту, конечно же, пойдем навстречу...

С этими словами Тпрндгтх стал в позу чтеца–декламатора и обратился к Тупкову с небольшой речью:

— Перед непосредственным оказанием столь редкой и высокоценимой услуги позвольте, во избежание недоразумений и недопонимания, напомнить вам о ее сути. Как вам, несомненно, известно, время имеет не одномерную, а двумерную структуру. Соответственно, одно и то же событие, одновременно происходя в различных параллельных временных пластах, может в каких–то деталях отличаться само от себя, что приводит к расщеплению мировых линий и конвергенции исторического процесса...

Тут Тпрндгтх пристально взглянул в глаза Тупкова и сменил тон:

— Короче, одни и те же события в разных реальностях могут иметь различные последствия и, соответственно, история пойдет по–другому. Например, в одной реальности убийство эрцгерцога приводит к войне, а в другой — только к дипломатическому демаршу... В этой реальности вы — никому не известный склонный к алкоголизму подкаблучник, а в другой — можете оказаться любимцем женщин и народным кумиром. У вас будет другая работа, другая жена, другой уровень жизни...

Здесь Тупков посветлел лицом, а Тпрндгтх, между тем, продолжал:

— Соответственно, наша услуга заключается в том, что мы просматриваем все пути развития вашей экзистенции, выбираем из них наиболее оптимальный вариант и производим транспонирование вашей личности в соответствующий хронопласт...

— И там все будет по–другому, в смысле — лучше? — хрипло спросил Тупков.

— Ну не полностью по–другому, основа вашей личности измениться не может, но обстоятельства жизни — несомненно, — пояснил Тпрндгтх. — Так что, если вы согласны, я немедленно включу сканер–оптимизатор, и через двадцать секунд вы окажетесь в оптимальном, с точки зрения экзистенции, хронопласте...

— Согласен, согласен, не тяните... — заверил Тпрндгтха Тупков, после чего зеленый нажал несколько кнопочек на неизвестно откуда появившемся у него в руках приборе, и, сообщив Тупкову, что по истечении двадцати секунд перенос совершится автоматически, исчез.

Тупков откинулся на спинку лавки и, напряженно прикрыв глаза, стал ждать. Внезапно вновь зазвучал, прервавшийся было, монолог жены, и Тупков открыл глаза.

Верка (Или Любка? "Надька. Здесь — Надька", — прошептал в голове Тупкова голос Тпрндгтха), не прекращая критической речи, продолжала гордо шествовать в сторону выставки, а воробей закончил прерванный полет и сидел теперь на лавке рядом с Тупковым, поглядывая на него явно издевательски. "Надули! — мелькнуло в голове Тупкова. — Развели как молодого!". Тут, однако, взгляд его упал на собственные руки, и он обнаружил, что в каждой из них зажато по бутылке пива. "Да нет, мужик, похоже, хоть и зеленый, но правильный", — сменил ход мысли Тупков и, откупорив одну из бутылок, жадно припал к ее горлышку...

В этот момент Надька обнаружила исчезновение аудитории и, повернувшись к Тупкову, заорала:

— Ну, чего расселся, алкаш проклятый! И так поздно вышли!..

Тупков одним глотком допил бутылку, откупорил следующую, и, периодически к ней прикладываясь, вразвалочку пошел за женой.

Бытие явно шло на поправку...

ПАЛЬЦУН С., Киев

НОВАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА Z ПРОСТО ФАНТАСТИКА

"Новая интересная газета. Z. Просто фантастика"
Реєстраційний номер
КВ №9521
від 17 січня 2005 р.
№ 11, 2005 р.

Засновник
Ольга КАЦАЙ

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Георгій СИМАКОВИЧ, директор
Юлія СОКОЛОВА, головний редактор
Степан ІВАНУС, відповідальний секретар
Тетяна ГОРЛАЧ, заступник директора по збуту

Видавець:
ТОВ "Атол Прес"

Адреса редакції та видавця:
03047, Київ-47,
просп.Перемоги, 50, "Новая интересная газета, "Z"
E-mail: nova-ig@nova-ig.com.ua

Тел.: (044) 454-82-59
Тел/факс (044) 454-83-66

Комп'ютерний дизайн, верстка і фотоформи - **Степан ІВАНУС**

Коректор
Ірина ПРОЦКО

Друкується мовою оригіналу
За зміст та достовірність інформації відповідальність несе автор (рекламодавець)
Листування з читачами — тільки на шпальтах газети
Рукописи не рецензуються і не повертаються
При передруку посилання на "НИГ" обов'язкове
Ілюстрації не завжди є прямою відповідністю тексту

Віддруковано на комбінаті друку видавництва
"Преса України".
03047, Київ-47,
пр.Перемоги, 50
Загальний наклад 290000
Зам.№3086208
від 24.10.2005 р.

За матеріалами і повідомленнями кореспондентів "НИГ", вітчизняної та зарубіжної преси, мережі Інтернет

Наступний номер вийде у світ 29.11.2005 р.

1234567890

4 820082 290016